

8

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ (к 350-летию Петра I)

**Владимир
ВАСИЛИНЕНКО**

г. Хабаровск

СВЕТЛЕЙШИЙ АЛЕКСАНШКА

исторический роман

30

Нева, наконец, сплошь оделась льдом, и горожане стали охотно перемещаться с берега на берег. Самые отчаянные вначале ходили пешком, постукивая перед собой палкой с железным накопником, пробуя лёд на крепость. Речки – Мойка, Фонтанка, Охта, Чёрная – и все каналы тоже промёрзли до дна, давая возможность обывателям свободно передвигаться куда им угодно.

Светало поздно, и рабочему люду приходилось вставать затемно, в душе кляня свою разнесчастную долю и заодно батюшку-царя, по вине которого все они – новгородцы, псковичи, ярославцы, нижегородцы, тверичи, туляки, москвичи, куряне, орловцы и прочие – оказались в этом гнилом, сумеречном и промозглом углу России...

Почти каждый год, на протяжении полутора десятков лет, сюда сгоняли тысячи мужиков. Их руками рылись каналы, вбивались сваи, одевались камнем берега, возводились фабрики, кузницы, лесопилки, заводы для обжига кирпича и черепицы, строились дворцы вельмож, питейные заведения и дома простых горожан... Труд был подневольным, вначале здесь надрывались и гибли уголовные преступники (если им не удавалось бежать), потом царь распорядился присылать людей по специальному указу...

Требовались в основном каменщики и плотники, но таковых, как правило, не находилось, ибо владетельные помещики расставались лишь с теми, в ком не было особой нужды. А опытными мастеровыми они жертвовать не хотели, любыми путями обходя строгие распоряжения самодержца. И мало того, что в будущую столицу пригоняли толпы голодных, полуодетых, незадачливых оборванцев – каждому из них ещё полагалось принести с собой мешок земли или грудку камней в полпуда весом. А ни лопат, ни заступов, ни тачек не было...

Но город, «парадиз» – по выражению Петра, тем не менее рос и ширился. А кроме мощных крепостей, пышных дворцов, храмов, каналов, мостов, садов и дач множилось кладбища и погосты с приметными и безымянными могилами. В них упокоились бранные тела бесчисленных работников, невероятными трудами которых возводилось всё. И сколько тысяч умелых рук требовалось ещё для окончательного завершения грандиозного плана, задуманного государем?! Выдюжит, вынесет ли Россия этот дерзновенный вызов? Похоже, Пётр не позволял себе в этом усомниться.

Объехав и обойдя вместе с Данилычем и генерал-полицмейстером Девиером все районы и закоулки своего любимого детища, заметив во многих местах недоделки, недочёты и упущения, государь насупился, придирчиво оглядев своих помощников:

– Ну, други любезные, все дыры и прорехи снегом присыпало, – он криво улыбнулся, – а по весне, как солнышко добре пригреет, всё и обнажится! Стыда тогда не оберётесь!

Светлейший мужественно принял удар на себя:

– Моя вина, государь! Однако признаюсь честно – мужиков позарез не хватает... Тысячу-другую пригнать бы точно не мешало.

Пётр вздохнул:

– Да где ж их взять?

Помощники переглянулись.

– В армию едва-едва рекрутов набираем, а тут... – царь махнул рукой.

Меншиков вдруг вспомнил:

– Недавно ко мне обер-комиссар, князь Черкасский явился, доклад особый принёс...

Пётр насторожился:

– Какой ещё доклад?

Данилыч объяснил:

– Он предлагает заменить труд подневольный вольнонаёмным, через особых подрядчиков. Они и наберут людей сколько потребуется.

– Это как? Каким чудом? – озадачился царь.

– Князь пишет, что через подрядчиков все работы выполняются и скорее, и лучше, чем подневольными людьми... – Меншиков развёл руками. – Выходит так, что для государства наёмный труд выгоднее. Работники, мол, приходят по своей охоте, и управлять ими гораздо легче!

Пётр задумался. Предложение Черкасского, при всей его смелости и внезапности, стоило хорошенько обмозговать. Государь оглядел своих спутников. Оба они – и Меншиков, и Девиер – были его добровольными помощниками, не щадившими ни сил своих, ни даже самой жизни ради блага государства, которое отнюдь не было родным тому же Девиеру. Крещёный португальский еврей пошёл на службу по зову русского царя.

Государь скупо улыбнулся:

– Охота, говорят, пуще неволи... А это значит, что охочий человек – невольник сам себе, так, что ли?

Помощники озадаченно переглянулись. Пётр знал, что они друг друга недолюбливают, даже

Продолжение. Начало в №7-8, 2022

совсем не терпят, хотя и слывут близкими родственниками. Генерал-полицмейстер угодил в свояки к Светлейшему князю, будучи женатым на его родной сестре. Причём сама свадьба случилась только по приказу царя, а Меншиков никак не хотел отдавать любимую сестру за пришлого авантюриста, даже бивал его.

– Кто кому станет невольником, – нашёлся с ответом Данилыч, – пусть решают сами. Лишь бы от того польза была!

– Дело говоришь! – согласился государь. – И по-сему следует эту задумку одобрить и дать ей ход.

Он шагнул к своему небогатому экипажу, кивком приглашая туда обоих спутников. Все они с трудом поместились в тесном возке. Пётр намеренно усадил двух недоброжелателей бок о бок, словно не замечая этого.

– Трогай! – скомандовал он кучеру, и царский экипаж лихо покатило по Невской «перспективе» (так тогда именовали проспект), от самой Александрово-Невской лавры до Адмиралтейства.

По обе стороны прямой, как стрела, и довольно широкой улицы, вытянувшись в линейку, чинно стояли трёх-, двух- и одноэтажные дома, выстроенные из кирпича (или раскрашенные под него). Всё это напоминало Петру столь любимую им Голландию, разительно отличаясь от несуразной, бестолковой, суетной Москвы, где толком ни пройти ни проехать...

– Славно тут шведы потрудились, – глядя по сторонам, Пётр указал Девиеру, – а ты, Антон, должен сию главную улицу в образцовом порядке и чистоте содержать.

(Невский проспект был проложен руками пленных шведов.)

– Всякому обывателю, чьи дома тут стоят, надлежит об этом думать и всячески тому способствовать.

Генерал-полицмейстер согласно кивнул: – Я полагаю, Пётр Алексеич, что в каждой слободе или улице надо назначить старосту, дабы он за порядком строго смотрел и докладывал полицмейстеру...

– Об чём докладывал? – вмешался Меншиков.

– Обо всём. О гулящих и празднующихся людишках, обо всех прибывающих и убывающих... – Пётр сурово посмотрел на помощников. – Также нелишним было бы знать, что на базарах продают и почём? Не мошенничают ли? Не обвешивают? Не обсчитывают? Не играют ли где в зернь и карты? Не потакают ли вора и тунеядцам? Заодно и нищим...

У Меншикова глаза полезли на лоб. Свояк же

его, напротив, всё принимал беспрекословно и старательно, как всегда. Его отличала беспримерная строгость и въедливая дотошность в исполнении царских указов. Городские обыватели разных сословий только при одном имени генерал-полицмейстера приходили в дрожь. Нерадения и послушания Девиер не спускал никому. Государь вздохнул и прибавил с грустью:

– Вот так нещадно, други мои любезные, мы с вами колотимся и бьёмся, столицу и всё государство в божеский вид приводим... – он пристально окинул спутников. – А кому это после нас достанется?

Губернатор и главный полицейский, не сговариваясь, подумали, что царь, скорее всего, имеет в виду сбежавшего наследника. Почти два года минуло с тех пор, как Алексей тайком уехал за границу. У Петра был ещё один сын – трёхлетний мальчик Петруша, рождённый Екатериной и названный в честь отца. Но до сих пор он не ходил и не говорил, хотя государь очень любил его, ласково зовя «шишечкой»...

31

«Посулить ли ей щедрые подарки? Подкупить ли большими деньгами либо обещать несказанные милости и прощение всех грехов? А может, прельстить венчанием и пышной свадьбой?» – так ломал себе голову Пётр Андреевич Толстой, рьяно готовясь к встрече с «полюбовницей» злосчастного наследника. Кое-что о ней он уже успел выведать. Знал, что бывшая дворовая девка старого князя Вяземского родом «чухонка», но православного вероисповедания.

С одной стороны, это его настораживало, с другой – утешало. Также ему было известно, что наружностью «зазноба» царевича уж точно не блистала. Это тоже придавало нашему герою долю уверенности, причём немалую. Единственное, что всерьёз пугало его – убийственная нехватка времени. Если девица вдруг заупрямится или уйдёт в полный отказ – тогда пиши пропало! Этого Толстой не мог позволить ни ей, ни себе...

Обсуждая с капитаном Румянцевым свои дальнейшие действия, Пётр Андреевич всегда упирал на то, что само возвращение Алексея на родину должно выглядеть вполне мирно, без громкого скандала и шума. Румянцев с сомнением качал головой:

– А коли нам не удастся его уломать, тогда что? Как быть?

Толстой упорствовал:

– Не сумлевайся! Есть одна верная зацепка!
– Какая?

– Да девка его – Евфросинья.

Капитан, недолго думая, пояснил:

– Тогда надобно её выманить, спрятать по-
дальше, а там...

Подсказка была неожиданной и заманчивой –
Пётр Андреевич тут же ухватился за неё, но, по-
размыслив минуту, засомневался:

– Ну, а ежели наш беглец шум великий подни-
мет? Украла, мол, мою утеху разлюбезную?
Жить без неё не могу и жизни себя немедля ре-
шу?! Как быть тогда?

Капитан беспечно усмехнулся:

– Ну, пускай решает! – он в упор взглянул на со-
беседника. – Мы за ним второй год пластаемся,
а конца до сих пор не видать! Сколько ещё нам
эту лямку тянуть?!

Толстой задумался. Ему, более чем семидеся-
тилетнему старику, и в самом деле казалось уже
не под силу колесить по всей Европе, рьяно
преследуя государева ослушника. А тот упорно
ищет покровительства у здешних правителей,
тщательно скрывается где только возможно,
вовсе не думая раскаиваться и тем более воз-
вращаться домой. Может, ему и вправду лучше
сгинуть? Капитан Румянцев, озадаченный дол-
гим молчанием собеседника, недоумённо смот-
рел на него. Этот прямой, взыскующий взгляд
вернул старика к действительности:

– Погоди. Время ещё есть...

Капитан криво усмехнулся.

– Надо с этой девкой свидеться, – пояснил
Толстой, – прощупать её как следует. Может, и
какой-никакой крючок вылезет, за который мож-
но добычу вынуть... – он подмигнул маленьким
хитрым глазом.

Румянцев не стал возражать, помня, что главой
всего предприятия значится этот ушлый, про-
нырливый старикан.

Но оказалось, что выманить на волю любовни-
цу Алексея никакой особой сложности не
представляет. Её брат Иван, томясь бездельем,
смело выбрался за пределы усадьбы, пышно
именуемой «замком», с явным намерением за-
няться охотой на тамшнее зверьё. Вот тут его и
подкараулил подручный Румянцева, сер-
жант-драгун.

– Эй! А ну, погоди-ка, погоди! И чего ты, малый,
здесь ищешь? – окликнул он круглолицего, бе-
лобрысого парня, цепко державшего в руках
свитый кольцом жгут из конского волоса.

– Мне, дяденька, зайца добыть похотелось... –
робко ответил тот.

– Да ну! Зайца?! Да какие ж тут зайцы? – снис-
ходительно ослабил драгун, подойдя ближе.

– Совсем, что ли, нетути? – разочарованно отк-
ликнулся горе-охотник, но вдруг увидел в кустах
серо-коричневую округлую тушку с торчащими
ушами, быстрыми скачками удалявшуюся прочь.

– Тогда энто хто?

Драгун подумал и ответил:

– Ну, энто... Как его? Хролик...

– Его, что ли, не едят?

– Едят его немцы, – все дальнейшие пояснения
отпали сами собой, и сержант сразу взялся за
дело. – Полюбовница наследника тебе кто?

– Сестра родная, стало быть...

Похоже, ответ парня вполне удовлетворил
драгуна.

– Государев человек желает её видеть, – он
сделал весомую паузу и строго прибавил, – толь-
ко не вздумай наследнику донести! Понял?

Иван покорно кивнул. Он давно заметил, что
вокруг царевича, а значит – и возле них – тесно
сжимается грозное, неумолимое кольцо.

– Когда? – спросил он глухо.

– Да хоть нынче, – сержант чуть улыбнулся, –
ставь свою петлю и зови сюды сеструху. Живой
ногой!

Но испуганный, вконец растерянный парень
неуклюже повернулся и опрометью бросился к
ограде.

– Особо не шуми, – вслед ему бросил драгун, –
тихомолком всё делай!

Иван кивнул белобрысой непокрытой головой.
Сержант подошёл и отвязал коня, мирно стояв-
шего под тенью оливы. Усевшись в седло, он
поскакал в сторону небольшого селения, в од-
ном из домов которого квартировали Пётр Анд-
реевич Толстой и капитан Румянцев. Они оба му-
чились неизвестностью и готовы были пойти на
самые решительные, крутые меры...

32

А в самом Неаполе, в резиденции вице-короля
Графа Дауна, его секретарь Вейнхарт докла-
дывал своему патрону о результатах поездки к
сбежавшему наследнику.

– Как вам кажется, Иоганн, – остановил его
граф, – этот господин Толстой не слишком давил
на Алексея?

Секретарь пожал плечами:

12 Владимир Василенко

– Нет, Ваше сиятельство. Иногда мне даже казалось, что он его очень жалел и о чём-то просил... Даже умолял...

– О чём?

Вейнхарт ответил с извинительной улыбкой:

– Простите, Ваше сиятельство, они говорили по-русски.

– А что Алексей? – уточнил граф.

– Царевич выглядел очень испуганным, – секретарь вздохнул, – по-моему, он едва не потерял сознание. Это заметил не только я, но и сам Толстой, и капитан...

Граф насторожился:

– Какой ещё капитан?! О чём вы?

Вейнхарт слегка замешкался, но тут же быстро прибавил:

– Когда мы выехали из города, к нам немедленно пристроились двое конных драгун. Капитан и сержант...

– Я никого за вами не посылал! – перебил Даун.

– Нет-нет, Ваше сиятельство! Это были русские...

Вице-король заметно удивился:

– Вот как? А что было потом?

Секретарь уныло пояснил:

– А на подъезде к замку нас встретили ещё двое русских.

– Тоже драгуны?

Вейнхарт качнул повинной головой:

– Да. В полном вооружении и в боевой, мне показалось, готовности.

Вице-король на время замолчал. Бедный секретарь, видя суровое и непроницаемое лицо патрона, тоже разом умолк. Он понимал, что его всевластный повелитель решает какую-то сложную, архитрудную задачу. А ему пока не следует даже открывать рта – как знать, чем может обернуться для него любое, даже невпопад сказанное слово?! Вполне вероятно, что он уже успел выболтать нечто такое, о чём и думать-то не позволено!

Граф угрюмо молчал. Вейнхарт заволновался, пытаясь хоть каким-то образом исправить положение, только не зная, как именно. Высокий собеседник невольно выручил его:

– Как вам думается, Иоганн, царевич готов вернуться на родину?

– Нет, Ваше сиятельство, – поспешил с ответом секретарь, – Алексей смертельно боится отца и готов скорее умереть, чем попасть в его руки.

Говоря всё это, Вейнхарт был уверен, что вице-король примет его слова если не с восторгом, то с полным одобрением. Однако тщетно. Даун

ещё более посуровел. Секретарь запаниковал, но внешне ничем себя не выдал. Он отлично помнил все строгие инструкции, данные ему перед недавней поездкой к беглому наследнику: следовало всячески препятствовать тесному общению Толстого и Алексея, чтобы последний не вздумал поддаться ни на какие уговоры. Сын царя Петра не должен возвратиться в Россию!

Совесть бедного секретаря была чиста как алмаз – Алексей остался твёрд и непреклонен, и на тебе! А его всевластный патрон вовсе не предполагал посвящать своего подчинённого в тайны высокой политики. Час назад граф Даун получил письмо императора, в котором Карл VI писал, что английский король Георг наотрез отказался принять у себя русского принца. (Сдать Алексея агентам шведского короля император всё-таки опасался, зная о том, что русская армия стоит у самых границ Австрии.) Теперь беглый наследник превратился в досадное бремя, и лучше было бы совсем избавиться от него. А коль скоро русские агенты возьмут на себя эти тяжкие хлопоты, то зачем же им мешать?

– Скажите, Иоганн, – лицо и голос вице-короля заметно смягчились. – Этот Толстой намерен вновь встретиться с Алексеем?

Уловив в тоне высокого собеседника снисходительные, милостивые нотки, Вейнхарт смело ответил:

– Мне думается, что да. Он крайне напорист, Ваше сиятельство.

– Это хорошо, – Даун чуть усмехнулся, – значит, нам не следует чрезмерно ограничивать его.

Секретарь подобострастно кивнул. Он давно привык к тому, что сферы высокой политики поистине недосыгаемы для мелкого чиновника и если ему желательно сохранить своё место – не следует проявлять неуёмное любопытство. Даже высказывать прямодушное удивление либо – хуже того – случайное сомнение чрезвычайно опасно.

– Надо только иметь в виду, – граф искал слова, – что никакое насилие над личностью наследника не должно иметь место. Это недопустимо!

Секретарь согласно кивнул.

– И Толстой обязан знать, что все его действия надлежит совершать в строгих рамках закона и человеколюбия! – вице-король произнёс всё это непререкаемым, прокурорским тоном.

Но Вейнхарт, отлично зная своего господина, тонко уяснил одно: руки у преследователей Алексея окончательно развязаны и они вправе поступать со своей жертвой как им заблагорас-

судится. Важно лишь не допустить смертоубийства или не дать царевичу лишиться себя жизни.

– Я могу идти, Ваше сиятельство? – смиренно осведомился секретарь, понимая, что разговор закончен и никаких дальнейших инструкций уже не последует, а его роль сведётся к тому, что он станет надёжным прикрытием насильственных и нелицеприятных действий агентов царя Петра. Ведь ничего другого ему не остаётся. Даун молча кивнул...

33

– Не тужи, любезная моя, государь наш на сына своего гневаться перестал, – Пётр Андреевич пристально вглядывался в голубые, навыват, глаза собеседницы, – об одном он его слёзно просит – возвращайся, мол, скорее в Россию!

Подруга беглеца сосредоточенно молчала. Толстой понимал, что она по-своему обдумывала его слова и потому не спешила с ответом. Они сидели в небольшой карете, взятой напрокат, а капитан Румянцев и его сержант стояли чуть в отдалении, усердно играя роль дозорных.

Светло-рыжие, почти соломенные волосы Евфросиньи неряшливо выбивались из-под серого чепца, прямой, низкий лоб, белёсые брови и ресницы и пухлые полураскрытые губы выдавали в ней простую служанку. «И чего он в ней нашёл?» – безотчётно думал Пётр Андреевич, терпеливо ожидая хотя бы единого слова. Но наложница царевича упорно молчала. Тогда он решил зайти с другой стороны:

– Слухи-то ходят, что Алексей Петрович сыграть свадьбу хочет. Будто жениться вдругорядь ему время пришло...

В выпуклых, безмятежных глазах Евфросиньи мелькнула лёгкая тень. Опытный интриган мигом сообразил, что зацепил соседку за живое.

– Государь тоже об этом прослышал, – в голосе Толстого прозвучали мирные, благостные нотки, – ну, коли так, говорит, то мешать этому не надобно. Ежели всё по доброму согласию – то греха в этом нет! Пушай, мол, живут да радуются!

Как ни странно, однако туманная, ни к чему не обязывающая фраза всерьёз тронула Евфросинью. Она искоса бросила взгляд на соседа и шумно выдохнула. Её горячее, потное дыхание коснулось его лица и всколыхнуло локоны пышного парика.

– Государь наш, Пётр Алексеич, – Толстой заметно размягчился, – будучи крепко обижен на своего наследника за упрямство и своеволие, проступок его великодушно простил. Одного он токмо желает – обнять поскорее своего блудного сына!

Евфросинья опустила голову. Пётр Андреевич терялся в догадках – подействует, проймёт ли эту грубую, невежественную женщину хотя бы одно-единственное проникновенное слово? Похоже, что нет.

– Сколько же можно по белу свету мыкаться?! Ночевать где попало... Есть что ни попадя! – усилил он напор.

– Срываться ото всех... – неожиданно глухим, грудным голосом, словно эхо, отозвалась соседка.

– Вот-вот! – Толстой, похоже, воспрянул духом. – Вы же не зайцы какие-нибудь! Не разбойники с большой дороги! Доколе это может продолжаться?!

– Надоело, ужась! – глубоко вздохнула Евфросинья.

– Ну, вот! – подхватил Пётр Андреевич. – Надо эту беготню кончать! Алексей-то почто этому противится? Ты ведь про то, небось, знаешь?

Наложница впервые взглянула ему в лицо:

– Батюшки свово он шибко боится!

Толстой добродушно усмехнулся:

– А ты бы, касатка, пожурила его – повинную, мол, голову меч не сечёт! Была вина, да прощена... – и тут он понизил голос, – скажу тебе по секрету, страдалица ты моя, сам государь сюда намерен приехать.

– Его царское величество?! – ужаснулась наложница.

– Именно так. Пётр Алексеич – самодержец Всероссийский! – сурово подтвердил Толстой.

Евфросинья оцепенела от страха. Старый интриган бросил на неё короткий, зоркий взгляд и понял, что явно переборщил. Но тут же решил исправить положение:

– Но ты не бойся, голубка! Тебе никакой беды не будет... – он, как мог, придал своему голосу ласковые, утешительные ноты. – Ваш хозяин, вице-король, долго держать у себя наследника не намерен. – Толстой немного помолчал. – Алексей Петрович обуза, стало быть, для него. А кому охота с обузой-то жить, верно? Так или нет?

Как ни потрясена, подавлена, растеряна была подруга своевольного царевича, однако кое-какие здоровые мысли всё же шевельнулись в её рыжей голове:

– Они, никак, сговорились?! – выдохнула она.
– Сговорились? – оторопел Толстой. – Ты про что, милая? Кто сговорился?! С кем?

Лицо её от натуги стало пунцовым:

– Ну, царь и энтот... Король...

Толстой невольно озадачился и в какую-то секунду сообразил, что его бедная соседка решила, будто царь Пётр списался с вице-королём и тот согласился выдать ему Алексея.

– Упаси бог, касатка! Наш государь желает оказать милость своему наследнику... – Пётр Андреевич посерьёзней. – А вице-король больше не хочет проявлять любезность и содержать Алексея Петровича в своих апартаментах, – он указал кивком в сторону замка.

Евфросинья понурила голову. Толстой развёл руками:

– И что вам, грешным, ныне остаётся? – он криво усмехнулся. – Катить неведомо куда? Сызнова мыкать горе да уливаться горячими слезами? Другой-то планиды нет и не будет, уж поверь мне, старику.

Он ещё не успел произнести последнее слово, как несчастная наложница заплакала навзрыд. Услышав её горестные вопли, капитан и сержант обеспокоенно повернулись и уставились на тесный экипаж, где за темными стёклами суматошно двигались две тёмные фигуры.

– Ну, будет... Будет тебе! – бормотал встревоженный старик, против воли обняв широкие, крепкие плечи плачущей молодой женщины. Ему и в самом деле стало жаль её. Евфросинья уткнулась толстыми губами и веснушчатый носом в дорожку кафтан сердобольного соседа, заливая его горячими слезами.

– Да что ты, милая? Что с тобой? – искренне вопрошал Толстой.

– Ой, плохо мне, барин! – голосила наложница царевича. – Куда тут бежать?! Тяжела я...

– Ну, погоди-погоди... – увещевал её Толстой. – Воешь как по покойнику. Да неужто ты брюхата?! Вот так незадача! Сколь носишь-то?

– Четвёртый месяц пошёл... – И Евфросинья зашлась плачем.

А её исповедник и страж, перебарывая в душе все жалостливые, сострадательные мысли и чувства, старался, по мере сил, найти гибкий, хитроумный план ближайших действий. Досадная беременность бедной наложницы могла спутать все карты. А этого Толстой допустить не мог.

Острог замело снегом под самые окна. С началом ноября разница между ночью и днём почти сошла на нет. Только где-то к обеду в припорошённых, обледенелых стёклах мелькали робкие лучики скупого северного солнца, словно прощальный привет одинокого путника, решившего навсегда покинуть эти гиблые, отверженные края...

Восковые свечи Светлейший приказал поберечь, и в тесных, низких комнатках горели сальные огарки, распространяя кругом удушливый, тошнотворный запах. Князь страдал от него, пожалуй, сильнее всех, но не подавал виду. Дети тоже, по-видимому, не переносили его, только их больше угнетала вся жалкая, убогая обстановка...

В прошлой жизни, с её размахом, блеском и пышными торжествами, проходившими то в огромном дворце на Васильевском острове, то в Ораниенбауме и Раненбурге, им было недосуг не только грустить, но и всерьёз задумываться о своей судьбе и дальнейшем существовании. А здесь, в глухом, мрачном остроге, в заштатном городишке Берёзове, приютившемся где-то у самого края необъятной Российской империи, они впервые почувствовали, что их жизни и судьбы ничего не стоят...

Старшая – Мария – вперёд сестры и брата уразумела, что жизнь её не имеет не только приятного, но даже пристойного продолжения. Хотя предполагаемый брак с малолетним царевичем не слишком радовал её, однако была притягательная надежда стать русской императрицей и восполнить отсутствие супружеского счастья ворохом модных и дорогих нарядов, шумом придворных балов и весёлых маскарадов. А что может быть желанней и привлекательней для шестнадцатилетней девушки?

Но теперь этому уж точно не сбыться никогда и никак. Даже всеильный отец, однажды решивший сделать её родоначальницей новой царской династии, вдруг оказался обесчещен и разорён дотла. Единственным спасением для бедной девушки всегда было удачное замужество, а за кого нынче можно выдать дочь ссыльного князя, лишённого всех прав и состояния?! Кому нужна бедная бесприданница, прозябающая в гадком остроге, в самом глухом и затерянном углу России?!

Светлейший, видя понурые, удручённые лица своих детей, старался, как мог, вселить в них веру и смирение. Единственным подспорьем в этом ему, к счастью, служила Библия. Будучи

неграмотным, князь не пытался прочесть угрюмым чадам ни единой строчки, зато регулярно после скудного завтрака заставлял Марию брать в руки толстенную книгу. Вторая дочь – Александра и сын Александр чинно усаживались на застеленную отцовскую кровать и готовились прилежно слушать старшую сестру.

– Читай нам, Марьюшка, про Руфь, – ласково распорядился отец.

Как всякий русский человек, он с большим почтением относился к священной книге, достаточно зная о её содержании. Живой интерес и цепкая память, как всегда, верно служили ему. Мария бережно листала обширные страницы. Это был Ветхий Завет с книгами Бытия, Исхода, Левита, Чисел, Второзакония... Книга Руфи стояла седьмой, и пока тонкие, бледные пальцы девушки старательно перебирали листы, князь назидательно внушал детям:

– Всё в руках Господа – и радости наши, и печали... Только на Него надобно уповать и никогда не падать духом. Недаром ведь сказано – уныние есть великий грех!

Мария, между тем, нашла нужную страницу и придвинулась ближе к горящей свече, брезгливо сморщив прямой, тонкий нос.

– Анисья! – возвысил голос князь.

В дверь заглянула верная служанка.

– Принеси нам дорогую свечку!

– Сейчас, Ваша светлость!

Александр толкнул в бок младшую сестру, а та осуждающе поджала по-детски пухлые губы. Анисья бережно внесла массивный медный шандал с высоким восковым цилиндром, увенчанным приветливым, ободряющим огоньком. В комнате разом посветлело. Князь, затушив сальный огарок, заметил повеселевшие лица детей и не преминул добавить:

– Довольны, небось? То-то и оно! Видите, сколь мало человеку для радости надо! – он повернулся к дочери. – Ну, читай, Машенька!

Мария с облегчением произнесла:

– «В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле. И пошёл один человек из Вифлеема Иудейского со своей женой и двумя сыновьями своими жить на полях Моавитских...»

Первые фразы, коснувшиеся слуха детей, кое-чем тронули их. Они не знали, что такое «Вифлеем», но с голодом познакомиться успели. И судьбу человека, вынужденного искать лучшей доли, тоже вполне разделяли. А дальнейшее повествование показалось им запутанным и малопонятным. Человека, с которого на-

чинался весь библейский рассказ, звали Елимелех, жену его – Ноеминь, а имена двух сыновей и название неведомой страны совсем сбили их с толку. Но зная строгий нрав отца, покорные чада безмолвно и безучастно сидели близ стола с лежащей на нём священной книгой.

Самым примерным слушателем был, скорее всего, сам Светлейший. В былые годы ему совсем не доставало времени не только вникать в душеспасительные тексты, но даже выучиться грамоте. И теперь он, как большой ребёнок сказку, слушал монотонное чтение дочери. Имена героев и названия местностей тоже ничего не говорили его уму и сердцу, однако природное умение тотчас ухватывать суть происходящего, как всегда, выручало князя.

В библейской истории, названной по имени бедной девушки «Руфь», говорилось о главном: о жалости и сострадании. О том, что человек в беде и горести своей не должен бросать своих близких, ибо только смерть одна вправе их разлучить. Князь невольно вспомнил свою Дарьюшку, полгода назад погребённую под Казанью. Их разлучила её смерть. И, как знать, возможно, на том свете обе бедные, страдающие души непременно встретятся, чтобы не расставаться никогда...

Светлейший не слыл особо набожным, а в молодые годы, подобно своему царственному другу, относился к вере довольно прохладно. Только неожиданно свалившееся на него несчастье, позор и поношение подтолкнули бывшего баловня судьбы к смирению и покаянию. С ним случилось то, что случается во все времена с яркими, талантливыми, недюжинными людьми, супротив которых, в конце концов, намертво сплывается менее даровитое, зато безмерно завистливое большинство, безжалостно уничтожая блестящего соперника...

Вот тогда недавние вершители чужих судеб, наперсники царей и сказочные богатеи, низринувшись вниз с головокружительной высоты, становятся усердными молитвенниками и смиренными праведниками.

Мария читала:

– «И умер Елимелех, муж Ноемини, и осталась она с двумя сыновьями своими. Они взяли жён из Моавитянок, имя одной Орфа, а имя другой Руфь, и жили они там около десяти лет...»

Вся повесть не отличалась особой занимательностью, и дети почти откровенно скучали. Жизнь простой иудейской семьи сплошь состояла из лишений и несчастий. Вдова по имени Но-

еминь вскоре похоронила обоих сыновей, а её невестки почему-то остались бездетными. Потом состарившаяся свекровь стала убеждать их вновь выйти замуж. Одна из снох согласилась и ушла от неё, а другая, та самая Руфь, осталась и сказала: «Не принуждай меня оставить тебя. Куда ты пойдёшь, туда и я пойду, и где будешь жить, там и я буду жить. Народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом...»

Вторая дочь князя – Александра – решила прервать чтение:

– А у неё, у этой Руфи, Бог был какой-то другой?

Мария замерла на полуслове и недоумённо взглянула на отца. Князь тоже оторопел. Вопрос младшей дочери поставил его в тупик.

– А ну-ка, перечитай! – властно распорядился он.

Мария негромким, вкрадчивым голосом повторила:

– «Народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом...»

В комнате воцарилась тишина. За свою бурную, переменчивую жизнь Светлейший передумал о многом, но вопросы чисто богословские никогда не занимали его. Однако дети – и дочери, и сын – не сводили с него пытливых, взыскующих глаз. И тут счастливая, удачливая мысль пришла ему в голову:

– А почему – нет? – он чуть улыбнулся. – Вон у турок и татар Бог зовётся Аллахом! Значит, у этой Руфи Он был каким-то своим.

– А как Его звали? – не отставала младшая.

– Вот уж не знаю! – фыркнул отец. – Спроси чего полегче!

Дети молча переглянулись. По всей вероятности, ответ родителя в какой-то мере их устроил.

– Читай дальше! – кивнул князь дочери.

– «И где ты умрёшь, там и я умру и погребена буду. Пусть то и то сделает мне Господь, и ещё больше делает – смерть одна разлучит меня с тобою...» – тихим, задушевым голосом произнесла Мария.

– Это кто сказал? – остановил её отец.

Дочь запнулась, скользнула взглядом по странице и с расстановкой пояснила:

– Женщина эта. Руфь...

Светлейший помолчал. Окинул зоркими глазами невесёлые лица детей и сказал назидательно:

– Никто не знает судьбины своей. Люди верно говорят – всё в руке Божьей!

Князь опустил седую, коротко стриженную голову, которую когда-то покрывал пышный, щёгольский аллонжевый парик, завитый в мелкие

кольца, носимый только первыми вельможами государства. Теперь он походил на простого, малоимущего старика, живущего случайными доходами с хиреющего хозяйства.

Чада выжидательно молчали. Мария уже не пыталась продолжить чтение. Кстати, ей не очень этого хотелось, а её сестре и брату всё давно прискучило. Только деспотическая воля отца держала их возле стола. Князь поднял голову. Дочери и сын, как ни старались, не смогли согнать с бледных, потупленных лиц унылую гримасу, и отец, заметив её, со вздохом сказал:

– Ну, ладно. Довольно прохлаждаться – пора делом заняться! – он взглянул на старшую дочь. – Ты, Марьюшка, займись с младшими грамотой, а то они, чего доброго, имя своё писать отвыкнут!

Александр и Александра обиженно переглянулись, а их сестра, которой не слишком нравилась роль учительницы, напомнила отцу:

– Вы не забыли, папенька, про вашу историю?

Меншиков нахмурился. Почти неделю он не возвращался к своим воспоминаниям, не до того было. Свирепая пурга и крепкие морозы не позволяли празднично проводить время. Приходилось без усталости топить печи и разгребать снежные сугробы у крыльца, чтобы не завалило наглухо двери.

– На чём мы с тобой остановились? – спросил он через минуту.

Дочь с готовностью ответила:

– На деле наследника Алексея Петровича...

Светлейший быстро взглянул ей в лицо, насутился, сдвинув густые, нависшие брови, и резко встал. Ярко-жёлтый язычок свечи опасно заколыхался.

– Будет время – допишем, – негромко бросил он и вышел, плотно притворив дверь.

Притихшие чада тут же расслабились...

35

Наследник не знал, что и думать. Его неутешная зазноба ревела белугой. Просторное, веснушчатое лицо Евфросиньи распухло от слёз, разбухли веки и курносый нос, толстые губы раздулись, как вареники. Алексей то порывался обнять её, то умолял не терзаться понапрасну. Но бедная наложница голосила без умолку, не слыша своего властителя и даже не видя его.

Так воют и стенают после свирепого пожара либо кошмарного наводнения, когда разгул безудержных стихий уничтожает не только имуще-

ство и дом, но и семью владельца. Остаётся лишь единственный, случайно уцелевший сын или дочь, которым уже некуда бежать...

– О, Боже, Боже, Боже! – стонала Евфросинья. – О, мать, Пресвятая Богородица! И все святые угодники! Куды мне преклонить бедную головушку? Кто пожалеет меня, разнесчастную?! – она спрятала лицо в пухлые, короткопалые ладони. – И зачем я, горемычная, на край света подалась? Зачем подлых людей послушала? Долю свою никудышную совсем загубила... Нет мне, печальной, нигде утешения!

Сидя на разобранной постели, в необъятной ночной рубаше, с распущенными рыжими волосами, рассыпавшимися по тугим, усеянным веснушками плечам, Евфросинья исходила слезами. Её любовник и господин, тоже полуодетый, в панике метался по комнате. Слыша вопли и причитания молодой женщины, Алексей был не в силах не только унять их, но мало-мальски утешить подругу. Она не воспринимала его.

Человек в подобном состоянии готов на всё. Уйти куда глаза глядят. Отказаться от всего на свете. Забыть имя, отвергнуть родину, сменить веру, даже наложить на себя руки... И мечущийся по комнате наследник, бросая на любовницу короткие тревожные взгляды, шестым чувством уловил это. И стоило ей на мгновение затихнуть, Алексей подскочил и рухнул на колени. Евфросинья даже не вздрогнула.

– Афросиньюшка! Матушка ты моя! Друг сердешный! – других, более нежных слов царевич не знал и не имел в обиходе. – Пожалей ты меня! Уйми свои слёзыньки! Пощади меня, неутешного...

Любовница упорно молчала, а слёзы, помимо воли, всё лились и лились на измятую сорочку. Наследник принял её безгласное молчание за попытку услышать его и сбивчиво забормотал:

– Ты пойми, сердешная, на всё я готов! На всё готов – тебя ради. Разве ты это не знаешь? Дороже тебя никого мне нет! Неужто ты не видишь?! Ну, скажи скорее... Утешь меня!

Царевич не лгал и не преувеличивал, хотя в подобные минуты это делает большинство мужчин. Он искренне любил свою необразованную, неказистую, безродную подругу, походя в этом на своего всесильного отца. Видимо, женщины из простонародья чем-то привлекали обоих. Евфросинья по-прежнему тупо молчала. Алексей заметно приободрился, наивно полагая, что любовница покорно слушает его сбивчивую речь. Он продолжал убеждать и оправдываться:

– Ну разве тебе плохо со мной? Худо я тебя

кормлю, бедно одеваю, изнуряю работой? Не веселю и не радую? Подарков не дарю?

Наследник, не обинуясь, выкладывал то, что, по его мнению, делало жизнь молодой женщины несравненно удачливей и привлекательней, чем у её бедных товарок. Он не был скуп и прижимист, готовясь всем поступиться ради неё, лишь не думая о том, что желания и запросы у любой женщины подчас меняются и растут.

– Я ведь не забыл, и, даст Бог, скоро сыграем мы с тобой свадьбу, – искушал молчаливую подругу царевич, – купим домик у моря и станем жить да поживать в любви и спокойствии... Всем на зависть!

– А батюшка твой нас поймает да в море утопит!

Алексей, нежно обнимавший круглые колени своей возлюбленной, отпрянул и выпрямился. Её ответ потряс его.

– Мой отец в Петербурге... – едва слышно прозвучало.

– А вот и нет! – Евфросинья вытерла кулаками слёзы и заносчиво прибавила: – Государь намерен сюда приехать, – она на секунду умолкла и твёрдо заключила, – наверно, уже едет! И будет вот-вот... Скоро ты его сам увидишь! То-то будет весело!

Наследник смертельно перепугался. Отступил ещё на шаг, пытаясь кое-как взять себя в руки:

– Кто тебе об этом сказал?! Толстой?

Любовница молча кивнула рыжей головой. Алексей заметался по комнате. Высокая, сутуловатая фигура носилась из угла в угол, мелькая длинными, худыми ногами. Глядя на неё, Евфросинья не испытывала ни жалости, ни сочувствия, одна лишь тревога за самоё себя переполняла ей грудь.

– Он страшит или лжёт! Я его знаю! – остановившись в шаге от женщины, запальчиво бросил царевич.

– Кто?

– Толстой, чёрт его дерит! Кто же ещё?!

Евфросинья не ответила, но по её упрямому, неподвижному лицу Алексей понял, что она осталась при своём. И, как всякий безвольный, неуверенный в себе человек, он стал напрасно убеждать подругу:

– Ладно, пусть будет так... – наследник махнул тонкой, бледной рукой. – Отец приедет, и что? Всё равно император и вице-король не выдадут... – он хотел сказать «меня», но сдержался и добавил, – нас...

Наложница улынулась уголком пухлого рта:

– Уже выдали. Они не хотят нас больше здесь держать... – и повторила словами Толстого, – кому охота с обузой-то жить?!

Несмотря на дикий испуг и растерянность, Алексей уловил в её тоне отголосок чужой, злонамеренной подсказки и немедля возразил:

– Кто тебе это сказал? Тоже Толстой?!

Любовница упрямо вторила:

– Никому мы не нужны! – она глубоко вздохнула. – Одно остаётся – катить незнамо куда да слезами уливаться горячими... – и распухшие веки её вновь набрякли обильной влагой.

Алексей не шевелился, застыв как свеча посреди уютной спальни. Верить или не верить коварным речам Толстого – об этом он даже не думал. В любом случае милость австрийского императора и вице-короля должна иметь пределы. Его полуторагодовичное скитание по Европе не может быть бесконечным, когда-нибудь оно обязано прекратиться. Месяцем раньше, месяцем позже...

В дверь заглянул Иван, брат любовницы:

– Барин, Вас просит энтот немец... – он витиевато покрутил рукой.

Наследник понял, что приехал Вейнхарт, секретарь вице-короля.

– Скажи, сейчас буду! – подавленно бросил он и стал лихорадочно одеваться. Евфросинья сидела в той же позе на кровати, молча наблюдая за суматошными телодвижениями любовника. Несмотря на недавние вопли и слёзы, в облике её не виделось никакой тревоги и обречённости, а лишь проглядывала упрямая решимость и неуступчивость.

36

Всё кругом покрылось толстым снегом и льдом. Кельи сумрачного Соловецкого монастыря, превращённые в тюремные казематы, совсем не отапливались. Следуя указу Учреждённого Верховного суда, когда-то руководимого ныне ссыльным князем Меншиковым, Пётр Андреевич Толстой получил камеру «тягчайшую», то есть самую что ни на есть холодную и тёмную. Для восьмидесятирёхлетнего старика, полжизни страдавшего подагрой, это стало пыткой невыносимой.

Поручик Лука Перфильев – главный страж вельможного узника, все предписания, высылаемые из Петербурга, исполнял крайне небрежно. Будучи человеком зависимым и слабым, он то заискивал перед знатным арестантом, то

грозно распекал своих солдат, заставляя их как можно строже и усердней нести караульную службу. А солдаты писали на поручика доносы.

Получив очередную кляузу, столичное начальство направляло распоряжение архангелогородскому губернатору, в ведении которого находился Соловецкий острог, дабы он строго разобрался на месте. Но губернаторы – вначале Измайлов, затем сменивший его Лихарев – не спешили осчастливить своим присутствием ни команду строптивых охранников, ни бедных узников. Оба они со смятением и страхом пережидали кошмарную кутерьму, царившую в столице...

Падение и опала высших чиновных персон, особенно Светлейшего князя Меншикова, чудом не потрясли до основания всё Российское государство. До забот ли о соловецких страдальцах было им всем? Потом пришло известие, что на престол вступил двенадцатилетний Пётр II и со всем двором укатил в Москву для совершения коронации. Едва не случившаяся смута понемногу улеглась, власти на местах вздохнули с облегчением.

Гвардейского поручика Перфильева сменили на капитана Воробьёва. Заодно сменили и всю караульную команду, отправив её под следствие и суд. Кроме графа Толстого, в монастырских застенках томился ещё с десяток колодников. Пётр Андреевич, разумеется, числился самым грозным преступником, и вина графа не подвергалась сомнению. Хотя его главный враг и обвинитель – Светлейший князь Меншиков – тоже подвергся ссылке и опале – в отношении Толстого никаких изменений и послаблений не последовало.

Согласно заключению Учреждённого Верховного суда, важнейший проступок арестанта заключался в том, как гласил вердикт: «граф Толстой боялся Великого князя и усиления Светлейшего князя». Великий князь – это малолетний Пётр II, а Светлейший князь, конечно же, Меншиков, который задумал женить юного царевича на своей дочери Марии.

Вся интрига заключалась в том, что супруга отходящего в мир иной императора Петра Велико-го – Екатерина – поначалу намеревалась оставить престол своим дочерям: Елизавете и Анне. Оставалось лишь выбрать одну из них, поскольку на российском троне должна быть единственная владычица. Горячим сторонником этого и был Толстой. А малолетнего Петра он предлагал отослать «за моря», где тот посмотрел бы другие государства, подобно всем европейским принцам, и, пока он там прохлаждается, спокойно провести

коронацию одной из дочерей Екатерины. Скорее всего младшей – Елизаветы. Анну прочили выдать замуж за герцога Голштинского...

Петра Андреевича охотно поддержали генерал Бутурлин, главный полицмейстер Девиер, генерал-адмирал Апраксин, сенатор Скорняков-Писарев и князь Иван Долгоруков. Кстати, и сам Меншиков поначалу не возражал. А затем планы его круто изменились, однако бывших своих сторонников он не счёл нужным в это посвящать. Толстой и его сообщники упорно продолжали обхаживать царицу, не подозревая о двойной игре князя. А тот плёл хитроумные сети, в которые, в конце концов, и угодила вся компания, прихватив с собою ещё нескольких фигурантов.

Конечно, Пётр Андреевич боялся не столько мальчишки Великого князя, он всерьёз опасался, что, став императором, окружив себя тесным кольцом блюдолизов и прихлебателей, сын несчастного царевича Алексея жестоко отомстит ему. По-другому и быть не могло...

Не только Толстой, но и вся высшая верхушка тогдашних хозяев России несказанно бы удивилась и пришла в жуткое негодование, если бы новоявленный император вдруг простил убийцу своего отца. Этого ему наверняка не позволили бы те, кому Толстой и его пособники стояли попереёк дороги к чинам и наградам.

Пётр Андреевич это понимал и потому старался как мог. В череде лиц, подписавших смертный приговор сыну Петра I, было сто двадцать семь человек. Не подписались лишь фельдмаршал Б.П.Шереметев, его брат В.П.Шереметев и один из самых блистательных генералов М.М.Голицын. И ещё один гвардейский офицер по причине неграмотности. Подпись Толстого не стояла первой. Однако он выследил наследника за границей, привёз его в Санкт-Петербург и вёл над ним следствие.

Рука Светлейшего князя в том приговоре стояла во главе списка – неграмотный Меншиков расписываться всё-таки научился. А в этом случае без его корявой подписи обойтись никак было нельзя. Помня всё это, Пётр Андреевич не слишком опасался Светлейшего, полагая, что тот не меньше его обеспокоен за свою жизнь и будущее детей.

В последние часы жизни государя, когда прощённая им Екатерина за интимную связь с камердинером Монсом, утирая обильные слёзы, спешила в соседнюю комнату, где в тревожном ожидании сидели Меншиков, Толстой и Бутурлин – эти трое единодушно сочувствовали ей.

Но, сочувствуя, спешно, безотлагательно решали, как быть дальше.

Они знали, что Пётр не составил завещания. Преднамеренно или случайно, только после его кончины трон переходил к Екатерине, а в дальнейшем мог достаться, в том числе, и её дочерям. Старшая – Анна – обвенчалась с герцогом Голштинским, младшая – Елизавета – ходила в невестах. Внук Петра и сын Алексея пока в расчёт не принимался. Он был слишком мал, и его будущее этих троих не слишком волновало.

28 января 1725 года в шесть часов утра государь скончался. И в этот же день был составлен манифест, где в туманных и высокопарных выражениях говорилось о том, что «наша любимая супруга, государыня императрица Екатерина великою помощницей была» и потому «есть обычай супруг своих короновать». Из чего следовало, что овдовевшая государыня занимает трон по праву.

Похороны царя были пышными и трагическими. Любой, самый тёмный и забитый житель огромной страны если не понимал, то нутром чувствовал, что с кончиной Петра Великого в России завершилось нечто большое и судьбоносное. И теперь наступил рубеж, за которым грядёт неизвестность. А все ближайшие сподвижники покойного: Меншиков, Головкин, Апраксин, Ягужинский, Бутурлин, Девиер напрягались из последних сил, не желая утратить всё приобретённое.

И бывший стольник Толстой, когда-то бунтовавший против юного Петра, потом отправивший на смерть его наследника, с тревогой ждал следующего дня. Но даже в страшном сне он не мог предвидеть, что конец его долгой, переменчивой, богатой самыми невероятными событиями жизни свершится в Соловках. В тесной монашеской келье, переделанной под тюремный каземат. С тусклой лампадкой в правом углу, с покрытыми инеем каменными стенами, с тяжёлой железной дверью и с крепкими пудовыми засовами...

37

По обыкновению, встав с постели ещё затемно, в пять часов утра, Пётр прошёл в токарню. Запалил от ночника толстую сальную свечу и поместил её в медный подсвечник, рядом с токарным станком. Из бокового шкафчика достал небольшую стамеску, поднёс её лезвие к наждачному кругу, который находился на том же станке. Поставил ногу на качающуюся педаль внизу, привычно её нажал...

Дёрнулся скреплённый с педалью железный рычаг, закутилось большое маховое колесо с ремённым шкивом, передавшим усилие на колесо малое, и точило стремительно завертелось. Царь приложил к нему лезвие стамески, и целый сноп искр просыпался на пол. В комнате запахло калёным железом...

Пётр любил этот запах, так же, как и дух железной окалины, когда тяжёлый кузнечный молот с маху бьёт по раскалённой, грубой полосе, вынутой из жаркой печи, а от неё летят во все стороны бойкие, обжигающие искры и тут же гаснут в полумраке...

Любая работа, связанная с недюжинным усилием, ловкостью и умением, завораживала и неудержимо влекла его. Пётр стремился не только подчинить себе всё крепкое, стойкое и неподатливое, ему не терпелось достичь в каждом ремесле вершин успеха и мастерства.

Наступивший день у царя был заранее распланирован. После завтрака он намеревался поехать в Сенат, дабы утвердить там несколько указов: о строжайшем запрете украшать золотом и серебром одежду. Старые, чрезмерно дорогие платья разрешалось донашивать, а новые – шить только из русской, китайской или персидской материи. (И тем самым развивать собственную мануфактуру, а с Персией и Китаем шире вести торговлю.) Ещё следовало запретить азартные игры на деньги. А беглых солдат надлежит в первый раз прогнать сквозь строй, во второй – ссылать на галеры...

В Сенате он бывал ежедневно, неукоснительно следя за работой своих помощников. Ему хотелось видеть в них деятельных, исправных работников, неустанно пекущихся о благе и могуществе государства.

Заточив до нужной остроты лезвие, он закрепил в особом захвате десятивершковый липовый чурбачок и привычно надавил на педаль. Поднёс к липовой заготовке заточенное лезвие стамески: оно уткнулось в грубую, необработанную поверхность, а вниз виртуозно заскользила кудреватая липовая стружка...

Неказистый липовый чурбачок постепенно, мало-помалу, под острым резцом превращался в безукоризненный, гладкий цилиндрок. Большие мозолистые руки царя бережно подавали стальное лезвие, и оно уверенно срезало тончайшие полоски древесины...

В токарню вошёл давний помощник Петра, токарь Нартов. Государь почувствовал его приближение по колеблющемуся огоньку свечи.

– Доброе утро, Пётр Алексеич!

– Здорово, Андрей! – царь перестал давить на педаль, и станок замер. – Ты чего так рано поднялся? Нартов улыбнулся:

– Вы меня опередили, государь...

Пётр вздохнул:

– Не спится чего-то. Который нынче час?

Токарь, он же отличный механик и часовой мастер, вынул из кармана часы-«луковицу», привычно откинул серебряную крышку:

– Четверть седьмого, Пётр Алексеич...

Царь безотчётно проследил за его собранными движениями и сказал:

– Надо бы тебя за границу отправить. В Германии или в Англии ты бы зело многое постиг.

Нартов – молодой, двадцатичетырёхлетний ремесленник-самоучка, толковый и любознательный, конечно, не думал отказываться. Он тут же приблизился с явным намерением поцеловать государю руку. Однако тот остановил его предупредительным жестом:

– Будет тебе! Ты же знаешь, я этого не люблю.

За дверью послышались шаги. Пётр насторожился:

– Кого там нелёгкая несёт? Видать, сон им точно не в радость.

В токарню вошли Головкин, Светлейший князь и кабинет-секретарь Макаров со свечой в руке. Сухой, желчный канцлер, по-видимому, всю ночь не сомкнул глаз. А Меншиков, как всегда, выглядел бодрым и жизнерадостным, в роскошном парике и щеголеватом, дорогом кафтане.

– Гутен морген, Пётр Алексеич! – с улыбкой поприветствовал он царя.

Пётр небрежно кивнул в ответ, остановившись взглядом на бледном лице Головкина. Канцлер учтиво поклонился и запустил худую ладонь в карман довольно потёртого кафтана. Он отличался известной скупостью, над которой неизменно потешались при дворе.

– Что там у тебя? – заметив это стремительное движение, спросил его царь.

– Деша, государь, от сенатора Толстого из Неаполя. – Головкин намеревался передать бумагу Петру, однако тот опередил его:

– Доложи, что там? Я послушаю...

Канцлер на всякий случай осторожно развернул письмо, а царь взял в руку подсвечник и протянул его Нартову:

– Посвети ему, Андрей.

Токарь поднёс огонь к плечу канцлера. Головкин чуть отстранился, оберегая свой засаленный парик, и резким голосом произнёс:

– Толстой пишет, что накрыл-таки наследника

в королевском замке и полюбовница его, девка Афросинья, тщится ему всемерную помощь оказать. То бишь Толстому...

Меншиков неожиданно рассмеялся.

– Ты чего? – обернулся к нему Пётр.

– Свояченица моя, мин херц, горбуня Варвара как-то обмолвилась, что надобно бы к Алексею через девку эту и слуг его подобраться... – Данилыч хитровато подмигнул.

Государь мрачно отшутился:

– Недаром говорят – из осинового дышла тридцать три холопа вышло! Как есть – семя крапивное. Любого продадут – им не привыкать.

Головкин искоса глянул на Светлейшего, а тот мигом согнал с лица ухмылку. Вольно или невольно, но царь задел его лакейское прошлое. Пётр тоже заметил это и решил поправиться:

– Ладно. У всякого мастера свои ухватки. Ежели Толстой решил таким манером действовать – значит, так ему сподручней. Лишь бы толк из этого вышел! – он сурово оглядел своих помощников. – Уж больно долго, братцы мои, канитель эта тянется. А конца, похоже, не видать!

Канцлер, Светлейший князь, секретарь и даже механик-самоучка виновато понурили головы. Хотя, если задуматься, никакой особой вины за ними не значилось. Пожалуй, только одного Меншикова следовало кое в чём упрекнуть, однако же вид у князя отнюдь не был покаянным. В токарню заглянула царица:

– Батюшка, завтрак уже на столе! Чего доброго – остынет. Ужо поспешайте!

Пётр обратился к свите:

– Пойдёмте, любезные. Закусим что Бог послал, а после в Сенат поспешим. Дел неотложных зело много набралось – решать их надобно.

Он направился к двери, канцлер, князь и секретарь двинулись следом, лишь токарь остался на месте, со свечой в руке.

– А ты чего, Андрей? – окликнул его царь.

– Я, Пётр Алексеич, уже позавтракал, – ответил Нартов.

– Ну, молодец! Всё успел... – одобрил царь и прибавил: – Я начал было точить скалку для своей Катеринушки, ты не сочти за труд – доделай её за меня.

– Не тревожьтесь, Пётр Алексеич! – с готовностью отозвался Нартов. – Всё будет в лучшем виде!

И вся державная троица покинула помещение.

38

У вице-короля далёкой Италии графа Дауна состоялся любопытный разговор с секретарём.

– Скажите, Иоганн, – спросил граф у Вейнхарта, – наследник всё продолжает упорствовать? И какие меры предпринял Толстой?

Секретарь едва заметно улыбнулся:

– Алексей совершенно растерян... А Толстой, Ваше сиятельство, начал атаку, как говорится, с тыла.

– Вот как? Вы имеете в виду...

– Его любовницу Евфросинью.

Эти щекочущие подробности, как видно, всерьёз заинтриговали вице-короля:

– Он решил подкупить её?

Секретарь не спешил с ответом.

– По всей видимости, Толстой этим не ограничился, – и, видя, что высокий патрон теряется в догадках, Вейнхарт добавил, – русских, Ваше сиятельство, нелегко понять, но, кажется, он её сильно напугал.

– Вот как? И чем же?

Секретарь явно озадачился. А вице-король с нетерпением ждал ответа, и тому пришлось пуститься в туманные, зыбкие предположения:

– Вероятно, он пригрозил забрать у неё ребёнка.

– Какого ребёнка?

– Ваше сиятельство, эти девица беременна, – смиренно сообщил собеседник.

– Беременна? – граф усмехнулся. – А впрочем, в этом нет ничего удивительного, – он игриво подмигнул помощнику, – значит, у царя Петра скоро появится внук или внучка!

В кабинете воцарилась тишина. Неожиданная новость, только что прозвучавшая, требовала кое-какого осмысления. Вице-король небрежно поправил надушенный шейный платок, чуть сменил позу, переложив левую ногу на правую, и сказал глубокомысленно: – Его Величество писал мне, что у царя Петра и его нынешней супруги растёт малолетний наследник. Но он не ходит и даже не говорит...

Секретарь вздохнул и пожал плечами. Это могло означать всё что угодно – от искреннего, прямого сочувствия до полного, безграничного равнодушия.

– И наш император, тем не менее, полагает, что Пётр намерен передать престол своему младшему сыну, – граф пожал плечами.

– Который не ходит и не говорит?

Высокий собеседник ответил глубоким вздо-

22 Владимир Василенко

хом. А секретарь, вопреки всему, позволил себе усомниться в происходящем:

– Но позвольте, Ваше сиятельство, почему же тогда русский царь так бьётся и негодует по поводу бегства Алексея? Если он намерен передать престол младшему, то зачем же ему старший сын?

Произнося последние слова, Вейнхарт, к своему ужасу, понял, что перегнул палку. Никак не следовало задавать этот каверзный вопрос вельможному хозяину. Ответа на него вице-король наверняка не знал.

– И Толстой, к сожалению, этого не знает, – ловко вывернулся секретарь, дабы на лице патрона не появилась недовольной гримасы.

– Но всё-таки каков результат? К чему нам следует готовиться? – не моргнув глазом, настойчиво осведомился Даун.

– По всей вероятности, Ваше сиятельство, – мигом откликнулся Вейнхарт, – наложница готова слушаться Толстого во всём.

– Это хорошо. Лишь бы всё это не затянулось надолго. Император не намерен ждать, – граф взглянул в лицо собеседника. – Надеюсь, она не собирается у нас рожать?

– Нет, Ваше сиятельство. Эта женщина на четвёртом или пятом месяце. Время ещё есть...

Вице-король недовольно проворчал:

– Это у неё есть время, а у нас оно на исходе!

Секретарь сделал озабоченное лицо, согласно кивнув головой. Он не рискнул признаться патрону, что получил от Толстого взятку и сам, наедине, говорил с царевичем, убеждая его вернуться в Россию. Вице-король якобы намерен лишиться наследника своего покровительства и, разумеется, крыши над головой. Алексей тогда расстроился вконец, униженно умоляя Вейнхарта дать ему немного времени на размышление.

Пауза явно затянулась. Граф Даун, перебирая в уме все возможные варианты дальнейших действий в отношении злосчастного беглеца, неожиданно спросил:

– Как вы думаете, Иоганн, принц очень дорожит своей любовницей?

– О, да, Ваше сиятельство! – убеждённо отозвался помощник.

– Она что – какая-то невероятная красавица?

Вейнхарт снисходительно усмехнулся:

– Что Вы, Ваше сиятельство! Я бы так не сказал. Это рыжеволосая, коренастая, с толстыми губами простолюдинка. Словом, обычная служанка! Кстати, не очень опрятная.

Вице-король недоумённо пожал плечами:

– Странно. Когда я познакомился с наследником, он произвёл на меня впечатление умного, образованного... – Даун помолчал и прибавил, – пожалуй, несколько экзальтированного молодого человека.

Секретарь выжидал, не спеша высказывать собственное мнение.

– Я знал его покойную жену – Шарлотту... – граф вздохнул. – Она не была красавицей, но эта... Как её имя?

– Евфросинья, – незамедлительно вернул собеседник.

Даун покачал головой:

– Чем она его прельстила? Ума не приложу.

В дверях появился камер-лакей:

– Ваше сиятельство, русский посланник ни-жайше просит принять его!

Вице-король и секретарь озадаченно переглянулись.

– Ну вот, – граф нехотя оставил кресло, – надеюсь, что этот нежданный гость нам всё объяснит! Проси!

Лакей вышел, и через минуту в просторной, богато обставленной приёмной вице-короля появился Пётр Андреевич Толстой.

39

Первой занемогла старшая дочь – Мария. Лютые сибирские морозы навалились на жалкий, затерянный в дикой глуши городок с такой яростной, неодолимой силой, что, казалось, не отступят никогда. И пока под их свирепым натиском не погибнет всё живое – они ни за что не уйдутся...

Только по крайней, великой нужде можно было высунуть на улицу нос. И то в самый полдень, когда даже не солнце, а его слабый, мутный отсвет едва-едва мерцал на горизонте. Как будто кто-то огромный и не в меру любопытный жарко дышал на тусклое северное небо, чтобы в нём обозначилась крохотная проталина и сквозь неё можно было насилу разглядеть засыпанные снегом маленькие домишки.

Но Светлейший приготовился ко всему. Ни жестокие холода, ни неистовая пурга, ни теснота и скудость острожного быта не могли до поры до времени сломать его. Однако внезапная болезнь дочери ударила князя в самое сердце. Кажется, он мог одолеть любые невзгоды – не было такой преграды в его пёстрой, многотрудной жизни, которую он не смог бы взять или удачно обойти. Даже неожиданная смерть лю-

бимой жены не сломила его до конца, но теперь...

Князь почти утратил сон. Поместив своё большое, погрузневшее тело на жёсткую, слежавшуюся постель, он долго ворочался с боку на бок, пытаясь окунуться хотя бы в дрему. Лампадка с деревянным маслом, стоящая на полочке перед тёмной иконкой Спасителя, чуть светила в полумраке...

Сын Александр, завернувшись в толстое ватное одеяло, крепко спал в двух шагах от родителя. Светлейший старался ни о чём не думать, однако мысли, вернее – воспоминания, помимо воли тревожили узника. Недавно из Петербурга пришёл опросный лист, и гвардии поручик Крюков допрашивал Меншикова «по присланному пунктам и ответы на каждый из оных при сём доношении приложил».

Сам допрос выглядел чрезмерно пристрастным и, на первый взгляд, сумбурным и бестолковым. Но князь тут же сообразил, что поводом к нему послужили многочисленные слухи, гулявшие по городку. Местные жители знали, что знаменитый ссыльный был правой рукой покойного царя, а после его кончины стал первым человеком в государстве. И вот этого главнейшего вельможу понапрасну отрешили от власти и сослали в жуткую глухомань. А без его твёрдой руки вся страна неминуемо ослабнет, особенно русская армия, и во всей России, даже в самом Петербурге наступит полное безначалие и помешательство.

Поручик Крюков, допрашивая узника, пытался доискаться – не он ли сам распускает эти досужие сплетни? Светлейший скупно улыбался в седые усы. С некоторых пор он перестал бриться, отпустив на длинном лице беспорядочную растительность. И стал походить на тех ревнителю старины, с чьих злобных, угрюмых физиономий он когда-то рьяно состригал дремучие, косматые бороды.

– Так будет бесчестие и помешательство в государстве? Будет или нет?! – настаивал поручик, пылливо глядя в лицо князя.

Стараясь казаться суровым и беспристрастным, он всё-таки робел перед всемогущим арестантом, в душе предполагая, что тот знает нечто такое, чего ему и не снилось. Кому как не первому лицу при дворе быть посвящённым во все тайные и скрытые причины, двигающие события в стране? И потом поручик не был уверен до конца, что фортуна не обратится к невольнику лицом.

– Нет. Не будет, – коротко ответил Светлейший, не желая сеять смуту в нетвёрдом уме

поручика и тем осложнять собственное житьё.

Крюков с облегчением вздохнул. Краткие ответы ссыльного вполне его устраивали. А будь они более пространными – он бы наверняка запутался в них и, чего доброго, вызвал гнев на собственную голову.

Вспоминая всё это, князь тяжело ворочался и вздыхал. Видимо, нынешние власти в Петербурге, скорее всего, с подачи Остермана или Дмитрия Михайловича Голицына, по-прежнему тревожились о своём благополучии, и фигура опального князя внушала им опасение. Даже за многие тысячи вёрст они боялись его.

За стеной, в соседней комнате, раздавался какой-то подозрительный шум, громкие стуки, харканье и стон. Князь спустил ноги на пол, ощупью нашёл валенки, надел их, стянул со спинки кресла стёганный халат, сунул руки в рукава. За дверью послышались торопливые шаги...

– Ваше сиятельство! Марьюшке дурно!

Светлейший шагнул в коридор. Служанка со свечой в руке уже прошмыгнула в комнату девушек. Хозяин поспешил следом. Старшая дочь спала справа от двери, и, войдя внутрь, отец увидел ужасающую картину: Мария лежала вниз лицом, свесившись с кровати, её густые льняные волосы скрывали голову и трясущиеся плечи. Бедняжку рвало. И рвало так сильно, будто у неё в груди всё выворачивало...

В комнату протиснулась вторая служанка – Мавра. Анисья сунула ей в руку свечу и ухватила девушку за плечи:

– Барышня, милая, что с вами?! Ну, погодите-погодите. Мы сейчас...

Едва ли несчастная понимала её слова, возможно, и не слышала их. Анисья попыталась уложить голову девушки на подушку. Коснулась её лба и невольно воскликнула:

– Ох, батюшки-светы! Да они вся горят! Что ж такое дается?! Страх...

До слуха отца донесли сдавленные всхлипы. Он быстро обернулся и увидел младшую дочь. Александра, прижав к груди колени, укутанные одеялом, горько плакала, уставив на сестру залитые слезами глаза.

– Ну, чистый пламень, Господи прости! Да как же это?! – мелко крестясь, испуганно бормотала Анисья.

Князь решительно шагнул к постели дочери.

– Ну-ка, посвети! – приказал он второй служанке.

Мавра поднесла огонь. Вид дочери испугал отца. Расширенные веки Марии гноились, лицо опухло, дышала она тяжело и хрипло...

– Неужто на улицу бегала?! – сердито спросил он.
 – Никак нет, барин! – виновато ответила Мавра. – Барышни дома сидели...

Марию вдруг затрясло, бедняжка сжалась в комочек и простонала:

– Ой, холодно мне! Зябко... Ой, мамочка-мамочка! Согрейте меня!

Князь выхватил свечу из руки служанки:

– Живо неси мой тулуп! Немедля!

Мавра выскочила за дверь. Анисья заботливо укрывала девушку, осторожно трогая её порозовевший лоб:

– Ужаси какие! Она вся в огне, сердешная! Ох, беда-беда...

Светлейший со страхом и состраданием смотрел на искажённое лицо дочери. Мария надрывно стенала, кривя губы и зажмурив гноящиеся веки. Отец чувствовал, что ей нестерпимо больно, она уже не в силах справиться с собой, и эта неведомая, ужасающая хворь способна унести её совсем...

– Машенька! Душенька, крепись! Крепись, родная моя! Я с тобой! – высоким, рвущимся, не своим голосом простонал он.

Младшая дочь, сжавшись в жалкий комок в углу кровати, на секунду умолкла и вдруг разразилась неудержимым, оглушающим воем. Держа в руках тяжёлый меховой тулуп князя, в комнату влетела Мавра. За ней просунулась в дверь всклокоченная голова младшего сына. Александр, разбуженный жутким шумом и гвалтом, смотрел расширенными, непонимающими глазами на домашних, ещё ничего не сознавая, но заражаясь общим похоронным настроением и готовясь заплакать.

Отец сунул свечу в руку Анисье и сам старательно и бережно закутал больную, поверх одежды, в свой просторный тулуп. Дочь по-прежнему трясло...

40

Добившись аудиенции у вице-короля, Пётр Андреевич никак не рассчитывал на радушный приём. Более того, он был готов к тому, что его нежданный визит не принесёт желаемых результатов. Поэтому, войдя в приёмные покои властителя Италии, Толстой сделал глубокий поклон и выжидательно замер, всем своим видом показывая готовность к любому повороту событий.

Граф Даун и секретарь обменялись многозначительными взглядами.

– Мы готовы вас выслушать, господин посол, –

строго официально заметил вице-король, давая понять о своих серьёзных намерениях.

Пётр Андреевич искоса глянул на секретаря. Вейнхарт, бдительный и неприступный, почтительно замер в двух шагах от своего патрона, всячески демонстрируя, что между ним и русским гостем нет ничего общего. Толстой этому не удивился, хотя всего лишь день назад он доверительно, по-приятельски беседовал с секретарём и тот получил от него двести гульденов.

– Ваше сиятельство, мой государь пребывает в крайнем недоумении, – нарочито спокойно ответил Пётр Андреевич, – какие меры ему ещё необходимо предпринять, чтобы вернуть наследника?

Вице-король явно растерялся:

– Меры?! О чём вы, господин посол?

Толстой продолжал разыгрывать сдержанное негодование:

– Вероятно, Ваше сиятельство, Вашему императору мало русской армии, готовой вступить в Богемию? – он перевёл дыхание. – Возможно, Вы ждёте визита нашего монарха? Он, между прочим, находится неподалёку.

Граф и секретарь встревоженно переглянулись.

– Но позвольте, господин посол, – вице-король старался говорить вполне искренне, – наш император не возражает против возвращения принца. По моему мнению, Алексей сам не желает этого.

Возразить тут было нечего, и Толстой не стал спорить. Теперь в его положении оставался единственный выход: упросить или принудить вице-короля применить силу в отношении слушника. Только как? И граф словно подслушал его мысли.

– Ну, согласитесь, господин посол, мы же не вправе арестовать Алексея и выслать его с позором из страны? Он не совершил ничего противозаконного. Приехал к нам как обычный путешественник.

Пётр Андреевич едва сдержался, чтобы не напомнить высокому собеседнику, как царевича совсем недавно содержали в тайной тюрьме. Но взглянул в неподвижное лицо секретаря, поймал в его глазах сочувствующие искорки и решил:

– А если Вы, Ваше сиятельство, попросту откажете ему в своём гостеприимстве?

Даун озадаченно умолк. Предложение «русского медведя» было заманчивым, но графу не хотелось огласки. Слухи о том, что царского наследника выдворили вон, как какого-то грязного бродягу, непременно пойдут в народ и, чего доброго, просочатся в европейские газеты.

– Нет, господин посол, на это мы не пойдём, –

вице-король брезгливо поморщился, – это уж слишком...

И, несмотря на отказ, Толстой почувствовал в тоне хозяина явное желание идти на уступки. Теперь ему следовало найти какой-то иной, более мягкий подход. И тут на помощь неожиданно пришёл секретарь.

– У принца, Ваше сиятельство, – он скривился в улыбке, – тайно проживает любовница...

– Любовница? – Даун как будто услышал это впервые. – А кто она?

– Простая девка. Служанка, – вместо секретаря ответил Толстой, с трудом соображая, куда повернёт разговор.

– Ну что же, – спокойно, со знанием дела вице-король признал, – в этом нет ничего необычного. Кстати, у многих царствующих особ были подружки из служанок. Это просто его наложница...

Секретарь продолжал хитро улыбаться:

– Смеею заметить, Ваше сиятельство, это – дама его сердца. Он будто намерен на ней жениться.

Пока продолжалась эта, на первый взгляд, пустая и никчёмная светская болтовня, Пётр Андреевич пытался понять, зачем пронырливый секретарь её затеял? И, наконец, уразумел.

– От Алексея она беременна, – разом вклинился он в пустопорожный разговор, – и он намерен на ней жениться.

– Да неужели?! – громкий возглас вице-короля прозвучал настолько открыто и нелестно, что даже секретарь поразился этому. Как будто бы час назад о преступной связи Алексея и его намерении заключить брак с наложницей не было и речи!

Пётр Андреевич тяжело вздохнул и озабоченно нахмурился. Граф выжидательно взглянул на секретаря, а тот прозрачно намекнул:

– Вероятно, принц был лишён отцовской и материнской любви. И его первый брак, по слухам, оказался несчастлив! Зато теперь...

В силу своего положения Толстой не мог, вернее, не имел права пускаться во всякие чувственные суждения, касающиеся царственных особ. Однако намёк лукавого секретаря он оценил вполне.

– У нас говорят: любовь зла – полюбишь и козла! – Пётр Андреевич сокрушённо развёл руками.

Но его собеседники всё приняли к сведению почти буквально.

– Козла?! – удивился вице-король. – О чём вы, господин посол? Надеюсь, вы не имеете в виду скотоложство?

– Нет-нет! Боже упаси! – Толстой поискал

слова. – Русские так говорят о пустом, ничтожном человеке...

– Этот человек, – подсказал Вейнхарт, – та женщина? Несчастливая наложница?

– Именно. Но для наследника она дороже самой жизни! – Толстой безнадежно махнул рукой. Собеседники понимающе переглянулись. Пётр Андреевич успел перехватить их взгляды и кое-что сообразить. Выждав необходимую паузу, он глубокомысленно заметил:

– Вот ежели бы так случилось, что эту злокозненную девку от наследника довелось убрать подальше...

– Убрать – и что тогда? – подхватил хозяин.

– Тогда Алексея можно было в бараний рог скрутить.

– В бараний рог?! – вице-король усмехнулся. – Вас трудно понять, господин посол... То вы говорите о козле, теперь вспоминаете барана.

Секретарь Вейнхарт тоже осторожно улыбнулся:

– Наш гость, по всей видимости, твёрдо убеждён, что любовницу принца можно использовать в качестве приманки.

Толстой согласно кивнул.

– Или той самой верёвки, на которой ведут строптивых животных. И баранов в том числе... – на последних словах секретарь намеренно умолк.

И все присутствующие, не сговариваясь, поняли, что окончательное решение теперь зависит от вице-короля. Он медленно приблизился к огромному окну, безотчётно оглядел просторный, ухоженный двор, словно желая найти там искомый, нужный ответ. Толстой и Вейнхарт выжидательно переглянулись. Во взгляде секретаря Пётр Андреевич сумел прочесть, что тот всецело на его стороне.

– Если царевичу пригрозить, что его любовницу отнимут, – негромко, в качестве невольной подсказки, предложил Толстой, догадываясь, что вице-королю никак не хочется брать ответственность на себя, – тогда Алексей выполнит всё...

– А кто будет осуществлять эти угрозы? – граф произнёс это, не поворачивая головы.

И не успел Толстой открыть рта, как прыткий секретарь заверил:

– Если Ваше сиятельство позволит – с принцем я готов говорить...

– От моего имени?

– Как Вам будет угодно.

В пышной приёмной воцарилась долгая, сосредоточенная тишина...

Затяжная война со шведами, судя по всему, близилась к окончанию. По крайней мере, об этом втайне думали обе неприятельские стороны. Сумасбродный и заносчивый Карл XII не говорил об этом вслух, но делал вид, что готов уступить настойчивым просьбам сестры Ульрики-Элеоноры и ближайших придворных, лишь бы просьбы о мире исходили от его заклятого врага.

Он никак не мог расстаться со славой самого блистательного и грозного полководца современности, хотя слава эта заметно поблекла и обтрепалась. После знаменитой битвы под Полтавой, где непобедимые шведские батальоны были наголову разбиты, королю пришлось бежать, довольствуясь мелкими, ничтожными стычками, которые всерьёз никто не принимал. Старушка Европа всегда жаждала кровопролитнейших, грандиозных сражений с сотнями тысяч убитых и раненых...

Восемнадцать лет назад с шестидесятитысячной армией Карл пересёк границу Швеции, а вернулся домой спустя двенадцать лет под чужим именем, в сопровождении одного-единственного слуги. Кое-как собрал совсем ничтожное войско и пытался возобновить войну с Петром. Но затея не удалась.

Русского государя тоже не радовала нескончаемая военная кампания. Он видел и понимал, что шведская угроза миновала, а жалкие потуги короля грозить и утеснять Россию успеха иметь не могут. Всё должно закончиться миром. Таковы были всеобщие нерушимые правила.

Вернувшись из поездки по Европе, повидавшись там с союзниками и заключив выгодный договор с Францией, Пётр оставил в Германии подканцлера Шафирова. Агент шведского короля, некий Герц, отправил Шафирову письмо, в котором сообщил о намерении Карла начать переговоры о мире. Местом переговоров он предлагал остров Аланд в Балтийском море. От столицы Швеции – Стокгольма до острова было пятнадцать морских миль, от Санкт-Петербурга впятеро дальше...

Шафиров переслал письмо государю, и Пётр назначил генерала от артиллерии Якова Брюса и тайного советника Андрея Остермана своими полномочными послами, а сам стал готовить для них инструкции. Война на севере, к счастью, близилась к концу, зато на юге, на Кубани, зашевелились ногайские, черкесские и адыгейские

удальцы. Для их отпора направили дивизию драгун и несколько сотен донских казаков.

1717 год, последние три месяца которого государь провёл в своём любимом «парадизе», мало чем отличался от предыдущих. Слава богу, что в нём не случилось никаких переломных, потрясающих событий, способных круто изменить ход европейской истории. Но для Петра в связи с побегом наследника год этот имел судьбоносное значение. И он с нетерпением и тревогой ждал любых известий, присылаемых Толстым.

Вместе с Меншиковым и Головкиным государь горячо обсуждал их.

– Толстой пишет, что с помощью вице-короля ему всё-таки удалось пристращать Алексея, – царь расхаживал по кабинету, стуча подошвами разношенных башмаков, – и, надо думать, тот уже выбирается с Божьей помощью из Италии.

– А Толстой что? – полюбопытствовал Меншиков, ценя подробности.

– И Толстой едет вместе с ним. А девку-чухонку он отправил другой дорогой, под охраной наших верных людей.

Головкин, не обладавший быстрым, въедливым умом, простодушно спросил:

– Как ему удалось склонить на свою сторону вице-короля?

– Кому? Толстому? – Пётр остановился посредине комнаты.

– Должно быть, он пригрозил австрийцам, что армия наша вот-вот границу перейдёт! – догадался сообразительный Меншиков.

Царь подумал и ответил:

– Армия армией, однако же сынок мой зело строптивым оказался, и бедняге Толстому пришлось любые средства в ход пущать... – он лукаво сощурился. – Чухонка-то шибко важной приманкой явилась.

– Эта девка? Но как?! – не понял канцлер.

Светлейший князь ухмыльнулся:

– А ты, Гаврила Иваныч, неужто не знаешь, что слаще бабы токмо один мёд слывёт? – он игриво подмигнул государю. – Хотя для кого как...

Худосочный, мрачноватый Головкин пожал угловатыми плечами. Пётр сокрушённо вздохнул:

– Кто бы мог подумать, что ради этой дворовой девки он готов на любое преступление пойти?! Это мой-то Алёшка! Тихоня заклятый...

В кабинете повисло молчание, и царь вновь заходил из угла в угол. Канцлер с князем переглянулись. Историю сбежавшего наследника каждый переживал и обдумывал по-своему. Головкин прикидывал в уме возможные последствия

грядущих событий и своё участие в них. А Меншиков трезво просчитывал количество голов, должных слететь с повинных плеч, если царевич вскоре возвратится домой. Голова самого князя наверняка останется на месте.

– Кикина арестовали? – словно прочитав его тайные мысли, сурово осведомился царь.

– Ещё месяц назад, Пётр Алексеич... Также ростовского епископа Досифея, генерал-майора Глебова и князя Вяземского в оборот взяли...

– немедля ответил Меншиков, назвав всех ближайших сообщников строптивного наследника.

– А что с Авдотьей? – хмуро кивнул Пётр, помня о своей бывшей жене.

– Её наконец-таки постригут и отправят в Ладугу, в монастырь тамошний, – поддакнул князь Головкин, дабы доказать своё рвение и осведомлённость.

– Авдотьян-то любовник – майор Глебов? – зрачки у царя сузились.

– Точно так, мин херц, – ухмыльнулся Меншиков.

Государь резко остановился, в упор глядя круглыми карими глазами на своих ближайших помощников:

– Мы с вами и не заметили, как за спинами нашими гнездо осиное буйно развелось! – он зло махнул рукой. – Сколь добра не делай – она, как плесень, изо всех углов прёт! Хрен удержишь!

Канцлер и Светлейший князь виновато потупились. Они готовы были признать, что и сами являлись пособниками той самой «крамолы», имея в виду своё тесное общение с наследником. Ведь каждый помнил и знал, что последующим правителем России, после кончины Петра, станет Алексей. А кому по доброй воле захочется портить отношения с будущим самодержцем?

Но государь беспокоился о другом:

– Пока мы со шведами насмерть воевали да Россию-матушку в Европу на аркане выводили, науку да просвещение в народе укореняли, враги наши бородатые тоже не дремали! – царь погрозил кулаком своим закоренелым, невидимым противникам. – Они свои щупальца да жала всюду запустили! Искали, где над нами верх взять...

Собеседники не возражали. Оба понимали, что царь говорит правду. Общее недовольство его личностью и действиями копилось не только в простом народе, но и среди высшей чиновничьей и родовитой знати. Никому не давая даже малейшей поправки, заставляя всякого отважно воевать, постигать и внедрять новое, беззаветно служить и ревностно трудиться, он добивался

этого на пределе сил и возможностей. А людям хотелось мира и покоя...

– Но ничего, – Пётр мстительно сжал скулы, – крамолу мы с корнем вырвем! Иначе – либо мы её, либо она нас! А коли она верх возьмёт – не видать России светлых дней! Уж поверьте мне!

Меншиков и Головкин, не сговариваясь, оба вспомнили грозный и кровавый 1698 год, когда был подавлен знаменитый стрелецкий бунт и летели буйные головы грозных мятежников. Светлейший исподтишка взглянул на свои руки, которые напрочь снесли два десятка стрелецких голов. Теперь он едва ли бы отважился на подобную удаль...

42

На четвёртый день состояние Марии улучшилось, температура упала, девушка почувствовала облегчение. Отец уже готов был обрадоваться, однако какое-то необъяснимое, суеверное чувство не позволило ему надеяться на полное, окончательное выздоровление. В комнате старшей дочери он поместил верную служанку Анисью, а младшую дочь, от греха подальше, князь перевёл к Мавре.

Александра и Александр, напуганные жутким недугом Марии, совсем поникли и помрачнели. Они, конечно же, очень жалели сестру, но, как любые дети, смертельно боялись, что эта неведомая, ужасающая болезнь перекинется и на них. Их тоже станет рвать и колотить в ознобе.

Отец видел настроение младших детей, стараясь отвлечь их и утешить.

– Марьюшка-то наша нынче хорошо покушала с утра, – сообщил он своим чадам, – и вас вспоминала.

– А чего она говорила? – полюбопытствовала младшая дочь.

– Спрашивала, мол, не скучаете по ней? И здоровы ли? – простодушно сочинял князь, думая ободрить этим сына и дочь, а сам внимательно глядел в их понурые лица. На самом деле больной едва-едва полегчало и о младших детях она не сказала ни слова.

– Мы, папенька, здоровы, – напряжённым, ломящимся тенорком ответил Александр, – и её хотим повидать...

– Очень хотим, папенька, – подхватила младшая.

Светлейший заколебался. И хотя в те годы не имели ни малейшего понятия об инфекции и вся-

ческих предохранительных мерах против неё, он отчего-то не рискнул поддаться на просьбы. И умоляющие глаза детей не тронули его.

– Нет-нет, погодим! После... – и неловко объяснил: – Пусть отдыхает. Сил набирается.

Сын и дочь обескураженно переглянулись.

– А вы ступайте в мою комнату, – деловым тоном распорядился он, – Библию лучше почитайте!

Александра и Александр, вздохнув, отправились, куда указал им отец.

– Про царя Давида читайте, – услышали они вослед, а Светлейший осторожно открыл дверь в комнату старшей дочери.

Мария, бледная и обессиленная, лежала на постели, закрыв глаза. Но стоило князю переступить порог, веки её дрогнули, и отец с дочерью встретились взглядами.

– Как ты, милая? – непривычно трогательным, даже извиняющимся тоном произнёс он. Мария едва заметно улыбнулась. Ей была приятна забота и волнение отца, но его виноватый, кающийся вид казался непривычным. Она не могла знать, что эти несколько дней Светлейший провёл в величайшей тревоге и беспокойстве. Он казнил и проклинал себя за все давние и недавние дела и проступки.

Разве не его злой волей старшая дочь вначале готовилась стать женой кичливого польского графа? А потом маленького, жестокого выродка, царёнка Петрушки? Он – родной отец – обращался с ней, словно с бездушной вещью, желая выгодно продать её в чужие руки. И утешал себя тем, что всё это творится для её же блага!

– Барышня, Ваше сиятельство, даже вставать порывались, – осторожно доложила верная Анисья, – да я им не позволила...

– Правильно сделала, – одобрил князь, – пусть лежит, отдыхает, сил набирается... – он искоса глянул на бледное лицо дочери, со страхом вспоминая, как её мучительно рвало, какие жуткие хрипы и озноб колотили и терзали бедное девичье тело. Вот тогда он впервые почувствовал, насколько она любима и дорога ему. Почему он этого не замечал все предыдущие годы?!

– Даст Бог, – Анисья широко перекрестилась, – и наша барышня скоро на ножки свои резвые встанет да попляшет веселёхонько!

Князь склонился над дочерью, поцеловал её в бледную, прохладную щеку. Мария ответила ему слабым пожатием руки.

– Лежи. Отдыхай, – повторил он заботливо и нежно, едва удерживая слёзы. Быстро выпрямился и поворотом головы указал Анисье, чтобы

та неотступно следила за больной. Женщина по-добострастно кивнула. Светлейший притворил за собой дверь и, сделав несколько шагов по коридору, вошёл в свою комнату.

Дети сидели за столом перед раскрытой книгой. Выполняя приказ родителя, они покорно изображали усердие, а сами о чём-то негромко разговаривали. Будь князь строже и внимательней, он бы сразу понял, что его чада только делают вид, будто читают Библию. Но волнение, охватившее его в комнате старшей дочери, никак не проходило, и он почти ничего не заметил. Ни суевливых, встревоженных движений сына, ни испуганных глаз младшей дочери...

Светлейший тяжело опустился на кровать, глухо кашлянул и быстро отвернулся, ощутив, что слёзы заструились по щекам и затерялись в усах и седой бороде. Жёлтый огонёк свечи зыбко затрепетал, стремительно вытянулся кверху и через минуту успокоился. Сын и дочь замерли. Они вдруг почувствовали, что с их строгим, заботливым, всевидящим отцом случилось нечто такое, что сломило его.

Даже когда умерла их добрая мать, он не был так подавлен и разбит. Он плакал, рыдал горько и безутешно, беспрестанно молился и вновь плакал. Но не было в его лице той безысходности и боли, как теперь... Конечно, они оба не осознавали всего этого с полной ясностью, но боязливая тревога за самих себя опасливо шевельнулась в их детских душах. Если отец сломлен окончательно, что будет с ними?!

Светлейший провёл рукою по лицу, тщательно огладил бороду и повернулся к детям:

– Ну что там случилось с царём Давидом? Читай.

Александра придвинула к себе толстую книгу, негромко произнесла:

– «И послал Господь пророка к Давиду, и тот пришёл к нему и сказал: в одном городе было два человека, один богатый, а другой бедный. У богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки...»

Князь почти справился с собой, и этому, как ни странно, помогли слова, прозвучавшие из уст дочери. Простая, безыскусственная история, рассказанная Библией, каким-то непонятным образом совместилась с его жизнью. Ветхозаветный пророк, пришедший вразумить еврейского царя, поведал Давиду притчу о бесстыдном, алчном богаче, отнявшем у нищего бедняка единственную отраду – маленькую овечку, которая была для того как родная дочь...

– «Сильно разгневался Давид на этого человека

и сказал пророку, – напряжённым, взволнованным голосом читала дочь, – жив Господь! Достоин смерти человек, сделавший это. И за овечку он должен заплатить вчетверо. За то, что он не имел сострадания...» – Александра запнулась.

– Постой. Передохни... – ласково остановил её отец.

Сын покосился на него. Не часто с родительских губ слетали кроткие, милостивые слова.

– Сострадать надобно всегда, – убеждённо произнёс князь, – тогда и зла на свете меньше станет.

– А как это – сострадать? – искренне не понял Александр.

Светлейший на мгновение озадачился. Ему казалось – ну что тут такого непонятного? Однако же подростку хотелось узнать истинное значение слова.

– Вот когда наша матушка почилла, – медленно и печально заметил отец, – мы все вместе страдали. Взаимно. Значит – пострадали.

– Жалели то есть друг друга! – неожиданно подсказала дочь.

– Верно, – Светлейший чуть улыбнулся, – не жалей того, кто скачет, а жалей того, кто плачет! Так в народе говорят, – он взглянул на дочь. – Отдохнула? Ну, почитай ещё.

Александра склонилась над Библией:

– «Ты тот человек, который сделал это!»

Отец и сын напряглись. Оказывается, пророк укорял самого Давида. И дальше библейская история приняла крутой разворот. Ведь этим злодеем-богачом был сам еврейский владыка! Пророк напомнил Давиду все его омерзительные проступки и грехи. За бесчисленные благодеяния, полученные им от Всевышнего, царь отплатил подлым коварством и бессердечием. Своего ближайшего военачальника – Урию-хеттеянина, неоднократно защищавшего его, Давид отправил на верную смерть, чтобы бесчинно завладеть его красавицей женой...

Слыша всё это, Светлейший и его тёзка-сын старались не смотреть в лица друг друга. Обоим почему-то сделалось неловко. А Всевышний устами благочестивого пророка не уставал обличать грешного царя. И не хотел спускать ему всего, что тот содеял.

– «Так говорит Господь, – голос дочери звучал испуганно и робко. – Я воздвигну на тебя зло из дома твоего. Ты сделал это тайно, Я сделаю это под солнцем...»

Князь не выдержал:

– Погоди! Дальше не надо. Мы всё поняли.

Дети смутились. Что имел в виду их строгий родитель – они уловили с трудом. В их юном сознании ещё не успели укорениться мрачные мысли о грядущем неизбежном воздаянии за всё содеянное. Глубоко и совестливо думать они пока не научились.

43

Весь долгий и нелёгкий путь от Неаполя до границ России Пётр Андреевич старался заранее прикинуть основательно. Ведь не только непогода и тяготы дорожные могли стать коварными, неодолимыми препятствиями, но и всякие неожиданные сюрпризы. К примеру – внезапная болезнь, нападение грабителей или военные действия в самых неподходящих местах...

Царевич Алексей, окончательно сломленный хитроумными приёмами Толстого, уже не сопротивлялся и был готов покорно следовать за ним. Единственное, что беспокоило несчастного наследника – судьба его дорогой Евфросиньи. Время от времени он приставал с расспросами к своему неумолимому надзирателю: какой дорогой она поедет? Уже выехала или нет? Удобен ли экипаж? Не растрясёт ли её, бедную? Ведь она тяжела, то есть беременна...

Толстой, искоса поглядывая на царевича, ядовито размышлял: «Горе, горюшко ты луковое! Рассказать бы тебе, незадачливому, что поведала мне твоя зазноба! Как она тебя кляла и поносила! Ни одного доброго, ласкового слова. Одни укоризны и беды злобно призывала на твою бесталанную головушку!»

И всё-таки старик сдержался. Но не затем, чтобы пощадить Алексея, не желая окончательно добить его, а всего лишь оставляя наследнику слабую, крохотную надежду. Пусть, мол, несчастный слепец тешит себя шальной мыслью, что, вернувшись на родину, он тут же женится на своей разлюбленной. Толстой всерьёз уверял царевича, будто бы Пётр поклялся устроить ему свадьбу. Как ни странно – Алексей этому верил...

Из Неаполя наследник в сопровождении Толстого и Румянцева выехал в середине октября. Вице-король выделил им дорожные экипажи и хотел снарядить целый эскорт офицеров для сопровождения. Пётр Андреевич за кареты поблагодарил, но от эскорта решительно отказался, заявив, что обойдётся своими силами. На самом деле он боялся какого-либо подвоха со стороны чужого охранения. Вдруг офицеры получили

подробные инструкции от вице-короля и при первой возможности арестуют их? Или Алексей неожиданно запросит о помощи?

При его неустойчивом, мятущемся характере надеяться на гладкое, беззаботное путешествие, увы, не представлялось возможным. И недужный, мучимый многими болезнями семидесятирёхлетний старик был вынужден сжать в единый кулак ум, волю и энергию, чтобы ни на минуту не упускать из виду своего подопечного. В глубине души он называл его «зверем». Именно так царевича, Пётр Андреевич вовсе не считал того лютым хищником. Скорее всего, лишь определяя при нём свою роль. Ведь и в самом деле – он обложил наследника со всех сторон, как медведя в берлоге.

Без особых приключений они минули Рим, Флоренцию, Болонью, Падую, Венецию... Толстой охотно вспоминал, как два десятка лет назад он уже посещал все эти города. Алексей, сидя в карете напротив, с интересом слушал старика. Сам он, к сожалению, вихрем проскочил все славные места, убегая из австрийской крепости и спасаясь от агентов отца. А Толстой рассказывал обстоятельно, красочно и подробно...

Сильнее всего его поразила сказочная Венеция. Уроженцу холодной, равнинной страны было удивительно наблюдать, как вместо улиц и переулков город разделяет великое множество каналов, через которые перекинута удобные ажурные мосты. Под ними скользят лёгкие, изящные, с обоюдозагнутым носом и кормой лодки, именуемые «гондолами». А в них сидят пышно одетые господа и дамы, звучит улаждающая слух мелодия лютни...

Пётр Андреевич побывал в Венеции летом и мог увидеть и узнать массу интересных вещей. Кроме великолепных дворцов, каналов и мостов, дотошный москвит близко познакомился с тамошними жителями. И многое почерпнул из чужих обычаев и нравов.

– Подле самого моря, – неспешно рассказывал он, – стоит собор белокаменный святого Марка, весь искусно изукрашенный, и большая площадь перед ним. А на той площади жители затевают маскарады, – Толстой приложил ладони к лицу, давая понять, что на нём – маска.

Но царевич был довольно образован и знал, что это такое.

– В Голландии и Австрии маскарады тоже часто затевают, – охотно поддакнул Алексей. Толстой хитровато усмехнулся:

– Затывают-то они затевают, только непот-

ребств таких, поди-ка, не творят! Ведут себя весьма пристойно, как добрым людям следует...

– Каких непотребств?

Старик укоризненно покачал головой:

– Бабы ихние, венецианки – молодые девки и постарше, надевают эти «машкеры», гуляют в них по всей площади, берут за руки иноземцев приезжих и забавляются с ними безо всякого стыда! – он говорил всё это отнюдь не ради пустой болтовни, а стараясь отвлечь наследника от беспрестанных мыслей о Евфросинье.

Алексей с дороги писал своей разлюбленной проникновенные письма: «Афросиньюшка, дорого себя береги, поезжай не спеша, ведь в Тирольских горах дорога камениста. А где хочешь – отдыхай, по сколько дней захочешь. Не следи за расходом денежным, пускай много издержишь, но мне твоё здоровье дороже».

Незадачливый наследник, кстати, так и не узнал, что его зазноба, следовавшая по тому же пути в Россию, но месяц спустя, прожила в Венеции несколько счастливых дней. Город ей очень понравился. Она не только осмотрела его каналы и дворцы, но также посетила торговые ряды, где купила тринадцать локтей парчи, золотой крест и серьги, кольцо с рубином и побывала на концерте. Однако пожалела, что не увидела знаменитые «маскарады»...

Алексей слушал молча, изредка посматривая в окно. Моросил мелкий, заунывный дождь, которому, казалось, не будет конца. Дорога раскисла, лошади трусили усталой рысью, прядая мокрыми ушами и потряхивая набрякшей гривой. По всему было заметно, что им до жути опостылело влачить размокший, потяжелевший экипаж, и даже жить на этом свете...

– А вот в Неаполе, – продолжал рассуждать Толстой, – блудный грех осуждают весьма и говорить о нём даже стыдятся, не токмо что делать.

Наследник покорно кивал головой, однако думал уже о своём. Примирившись с бесславным возвращением на родину, Алексей в душе готовился к самому худшему. Давая устную и письменную клятву в том, что он окончательно отрекается от престола и станет жить жизнью обычного, простого человека, царевич опасался одного: его суровый, непреклонный родитель заставит непутёвого сына постричься в монахи. И прощай всё – и женитьба на Евфросинье, и тихие семейные радости!

Будучи неглупым человеком, Алексей понимал отца. Вся российская жизнь была устроена так, что в ней не было места для рядового, ни в какие раз-

ряды не вписанного человека. Более того, если ты рождён князем, дворянином, купцом, крестьянином либо слугой – то судьба твоя уже предрешена. Ты поневоле станешь тем, кем был твой родитель. Алексей родился царским сыном, как и его отец. Но, кроме случая рождения, у Петра была натура властелина. Он не мог стать никем, кроме творца и преобразователя земли русской. И был готов положить на это все силы и самую жизнь!

А вот Алексей оказался случайной обмолвкой. Он это тоже понимал. Зато чётко знал и помнил, что вблизи него и дальше – в самых глубинах простого, чёрного люда, сотни, а может, многие тысячи страждущих, обездоленных, мятущихся душ помнят о нём и ждут своего избавителя. Как будто он сможет сделать это, заняв место все-ильного отца...

44

Пётр приехал в Москву под новый, 1718 год. Никаких торжеств и праздничных пиршеств на сей раз не затевалось. Государь, не отдыхая, сразу принялся за дело. Посетил несколько фабрик – полотняных, бумажных, суконных и кожевенных. Его прежде всего интересовали те, где ткалась парусина для судов. Хотя был выпущен манифест о начале мирных переговоров со шведами, однако морской флот – любимое детище царя – всё рос и креп. Не только военным, но и торговым кораблям требовалось доброе парусное вооружение.

На казённой фабрике в Москве трудились больше тысячи рабочих. К приезду государя всё-таки подготовились: убрали лишний хлам и приодели ткачей. Особых помещений, именуемых «цехами», тогда не строили. Петра препроводили в огромную избу со множеством окон, в которой стояли высокие и длинные – сбитые из дерева – ткацкие станы, так называемые «кросны». Внутри каждого находилась большая рама, а на ней протянулись, одна рядом с другой, множество льняных нитей.

Государь, остановившись возле молодого ткача, несколько минут наблюдал, как тот старательно и неуклюже протаскивает челнок между льняной основы, будто громоздкая посуда отчаянно ныряет в сонную, гладкую реку и потом с трудом выныривает на поверхность...

– Как тебя кличут, парень? – по-отечески ласково обратился к нему государь.

– Петрухой, царь-батюшка, – смущённо отозвался тот.

Царская свита игриво переглянулась.

– Тёзки мы, значит, – государь сделал знак рукой. – А ну-ка, Петруха, освободи царю место... – Он снял тёплый кафтан на меху и сунул его в услужливо протянутые руки управляющего.

Малый суетливо вскочил с громоздкого табурета, едва не опрокинув его, управляющий мгновенно обмахнул сиденье платком, а Пётр привычно опустил на освободившееся место. Взял у работника челнок и с завидной ловкостью стал орудовать им. Челнок как живой летал в царских руках...

– Легче надо с ним управляться, – наставлял он парня, – тут не сила нужна, а проворство да верный глаз. И ещё надобно терпение... – Под мозолистыми, но гибкими пальцами царя полотно выходило на удивление ровным и гладким. Управляющий и чиновники из свиты восхищённо качали головами. И в самом деле, тут стоило чем восторгаться. Не одна только лесть принуждала всех умиленно вздыхать и улыбаться.

– Работников надобно учить как следует, – Пётр решительно прервал наглядный урок и быстро встал. – Держи, тёзка, – он сунул челнок парню, – как тебя кормят?

– Ничего. Не жалуюсь, царь-батюшка, – покорно ответил тот.

Управляющий мигом подхватил:

– Муку, крупу, соль и солдатский паёк они получают, Пётр Алексеич, сполна...

– Добро, – Пётр надел кафтан, угодливо поданный управляющим, и поморщился. – Ты чем сапоги-то мажешь?

– Дёгтем, Пётр Алексеич, – быстро ответил тот.

Государь сердито нахмурился: – Указы мои вы читаете? Вижу, что нет.

Чиновники встревоженно переглянулись.

– Я три года назад писал, – царь возвысил голос, – кожа, которую употребляют на обувь, весьма плоха, ибо делается с дёгтем, – он показал на сапоги управляющего, – и от воды, как каша, расползается...

Половина чиновников с опаской взглянула на свои ноги.

– Надо делать её с ворваньим жиром, для чего я пригласил мастеров из Ревеля, вам на пользу, а себе, грешному, видать на мороку! – Пётр стремительно направился к выходу.

Свита кинулась за ним. Царский гнев их напугал, но большинство помнило, что государь, слава богу, отходчив и долго зла не держит. А Петру частенько хотелось примерно наказать ослушников, если бы их не было так много! Казалось бы, та же кожа – если сапоги шить из той, какую де-

лают у себя немцы, она дольше носится и воды не пропускает. Три года царь указами и действенными мерами заставлял кожевников работать по-новому – и тщетно!

А военная амуниция? Разве Светлейший князь Меншиков гнилое сукно не поставлял? И это в то время, когда ещё не виделось конца войне со шведами. И посетив ещё несколько фабрик, Пётр распорядился: тех, кто не выполняет его указы, подвергнуть конфискации имущества и сослать на галеры. А для строительства Петербурга набрать плотников, столяров, каменщиков, кузнецов и чернорабочих в достаточном числе.

Между тем в народе продолжалось глухое, недовольное брожение. Простой люд не понимал и не принимал все новшества и помыслы царя. Зачем и почему он без конца усложняет и без того нелёгкую жизнь? Старики вспоминали его отца – Алексея Михайловича. Вот был государь всем на утешение! При нём всякий мог найти себе укромное место, чтобы его лишний раз не шпыняли и не тревожили.

А этот «кукуйский» выкормыш никому не даёт покоя и спуска! Любого норовит куда-нибудь пристроить – в кузню, в шахту или на галеры. Даже жалких нищих – людей, питающихся подаянием, живущих светлым Христовым именем – называет «тунеядцами» и велит им заниматься полезным делом. При Тишайшем нищая братия была весьма уважаема и пользовалась всеобщим покровительством. Теперь они вынуждены от всех скрываться, а в новой столице – Петербурге – человека, просившего милостыню, надлежит немедленно арестовать, допросить – откуда он и как давно побирается?

Потом его щедро наказывают батогами и выдворяют на родину. При повторной поимке бьют кнутом на площади и отправляют на галеры. Женщин-нищенок посылают на суконную фабрику, а детей отдают учиться ремеслу. А если бродяга оказывается крепостным какого-либо помещика, то, по расследовании, помещик платит за каждого большой штраф. Это тоже не радует никого – ни виновника, ни его владельца.

Теплилась слабая надежда, что вот умрёт, сгинет или погибнет от чьей-то руки ненавистный самодержец – и с облегчением вздохнёт вся Россия! Но Пётр, несмотря на всеобщую нелюбовь и озлобление, не окружал себя стеной телохранителей, не скрывался и не прятался, а всюду ездил и ходил, часто с двумя-тремя помощниками, и был открыт для любого человека. Мог запросто при-

ти в гости к плотнику или боцману, выпить с ним чарку водки и закусить пирогом с морковью.

Более терпеливые и проницательные ждали одного-единственного часа – наконец-таки надорвётся неумный властелин и на смену ему придёт кроткий, милостивый, желанный избавитель – царевич Алексей. И с ним возвратится в усталую, загнанную страну мир и покой.

45

Бедная Анисья не знала отдыха. Видя и чувствуя, что князь ожидает скорейшего выздоровления старшей дочери, верная прислуга приложила все силы, чтобы поставить Марию на ноги. словно в ответ на её заботы, девушка заметно приободрилась, даже повеселела и однажды пожелала подняться с постели. Женщина, на радостях, помогла ей принять сидячее положение, взяла больную за руку и оторопела: на лице Марии, на шее, плечах и ладонях пестрели красные пятна. словно чьи-то укусы...

Заметив испуг в глазах пожилой женщины, барышня успокоила её:

– Не бойся, мне не больно! Дай другую руку.

Она уже готовилась спустить на пол ноги, но Анисья урезонила девушку:

– Погоди-погоди, неугомонная! Тебе ещё рано. Отдохни пока.

Мария свела капризно брови, желая настоять на своём, но в соседней комнате послышалось движение, застучал табурет... Анисья, воспользовавшись шумом, осторожно уложила больную на место, шепнув заговорщицки:

– Папенька поднялись! Полежи пока. Не время!

Девушка не стала пререкаться, а заботливая сиделка проворно выскользнула в коридор, едва не столкнувшись с князем. Светлейший, держа в руках горящий ночник, был в стёганом халате нарраспашку и вид имел встревоженный и полусонный.

– Ну как она? – спросил он осипшим голосом.

Анисья сдержанно вздохнула и опустила глаза. Хозяин нетерпеливо дёрнулся, намереваясь открыть дверь в комнату больной, но верная служанка даже не двинулась с места, закрыв собою проём. Князь, вдруг вспомнив все свои давние привычки, когда противоречить ему никто не смел, желая оттеснить строптивицу прочь, однако не рискнул. Её смиренный и неприступный облик обезоружил его.

– Что с ней? – едва слышно произнёс он.

Анисья поманила его рукой в глубь коридора.

Покорно, как ребёнок, Светлейший двинулся следом. Ночник в его руке медленно колыбался, и в смутном, зыбком свете крохотной лампы две молчаливые фигуры, отбрасывая колеблющиеся тени, бесшумно крались в полутьме, словно привидения. Застыли возле тесной кладовки.

– Неладно, барин, – тихо сказала женщина, стараясь не слишком тревожить своего господина.

– Да что случилось? – поддавшись её настроению, покорно, даже жалобно спросил князь. Анисья пыталась говорить намёками, не желая вызывать чрезмерное волнение и тревогу господина:

– Барышня ладилась встать, я ей подсобила, а у неё... – она скорбно поджала губы. Светлейший встревожился:

– Ну, что? Голова у неё закружилась? Рвота началась?! – он стал терять терпение. Ночник запрыгал в его руке.

– Пятна у неё... – негромко обронила заботливая сиделка.

– Пятна?! – князь задержал дыхание, отгоняя от себя мрачные, ужасающие мысли. – Где?!

– На личике, шейке, плечиках, ручках... – боязливо перечислила Анисья, словно извиняясь, – будто сыпь какая-то... – она перекрестилась, – Боже, избавь!

Светлейший потрясённо молчал. За свою бурную, опасную, богатую смертями жизнь он посмотрелся всякого и знал, предвестником чего бывают эти злополучные пятна, о которых сообщила служанка. Неужто ко всем бедам и несчастьям, скопом навалившимся на его горестное семейство, ещё прибавилось и это?! Он неуклюже развернулся:

– Ну, пойдём-поглядим... – и по ходу к комнате дочери суеверно перекрестился. Дверь князь намеревался открыть незаметно, дабы не потревожить Марию. Осторожно потянул на себя деревянную ручку, просунул в щель ночник, затем протиснулся сам, не желая беспокоить больную. Но то, что предстало его глазам, вконец смутило бедного отца.

Старшая дочь сидела на постели, подтянув колени к груди и держа перед собой круглое зеркало в оловянной рамке. На столе в медном канделябре горели две свечи. И, лоя отражение в зеркальном овале, девушка придирчиво вглядывалась в своё лицо, осторожно, кончиками тонких, бледных пальцев трогая красные пупырышки на коже, будто считая их.

Светлейший пошевелился. Дочь отбросила зеркало и откинулась на подушку, крепко закрыв глаза. Отец тихо приблизился к ней, склонился

над изголовьем. А ночник в его руке вдруг затух, видимо, кончилось лампадное масло...

– Машенька, – нежно, искательно и заботливо произнёс он, – не тревожься, родная, попусту... Это пройдёт! Не казни себя...

Дочь вдруг повернулась к нему спиной, уткнув лицо в подушку, и горько заплакала. Князь попытался придвинуться ближе, но потухший ночник мешал ему. Верная Анисья мигмом подскочила, освободила руки князя, дав ему возможность крепко обнять дочь. Невероятным усилием воли, подавив закипавшие в груди слёзы, Светлейший судорожно гладил спину дочери, порывисто целуя её:

– Всё будет хорошо, моя милая. Ты скоро поправишься. Станешь краше прежнего... Не терзайся так! Не плачь...

Анисья, замерев в двух шагах от князя и барышни, с невыразимой тоской, болью и состраданием смотрела на несчастную пару, испытывая такие душевные муки, которые вряд ли можно передать.

Дверь беззвучно отворилась – младшая дочь и сын с опаской заглянули внутрь. Отец их даже не услышал. А верная прислуга повернула залитое слезами лицо, сделала лёгкое движение пальцами – чада тут же отпрянули в темноту и прикрыли дверь...

46

Капитан Григорий Воробьёв, сменивший покрутика Луку Перфильева и его команду по охране Соловецкого острога, о судьбе знаменитого арестанта был наслышан достаточно. Он и его солдаты служили в местном гарнизоне, и, получив новое назначение, Воробьёв принял его как некое разнообразие в своей монотонной, подневольной жизни.

Зная, что граф Толстой был ближайшим помощником покойного царя, и не дожидаясь приказа свыше, капитан сам решил познакомиться с важным заключённым, старательно скрывая волнение и беспокойство. Двое солдат из его команды отомкнули тяжёлый замок, сняли железный засов с двери камеры, с грохотом открыли её...

Невольник лежал на топчане слева, укрывшись с головой одеялом на белом меху, а сверху на нём топорщилась толстая бобровая шуба. Воробьёв неспешно вошёл в бывшую келью и осмотрелся, держа в руке горящую свечу. Острый, пронизывающий до костей холод царил внутри. Казалось, что заиндевевшие стены, грубый стол

в центре камеры, вместительный сундук в углу и широкий топчан, на котором покоился узник, промёрзли насквозь. Накрепко пристыли к каменному полу...

Капитану вдруг подумалось, что вельможный арестант, упаси бог, в таком леднике мог запросто окочуриться! Но один из солдат, угадав его мысли, показал рукой:

– Вишь, парок вон вьётся! Жив ещё, стало быть!

И вправду, над изголовьем славного невольника едва-едва вилась лёгкая, чуть заметная струйка тёплого воздуха. А там, где полагалось быть голове, намёрзла белая полоска инея. Воробьёв негромко кашлянул, думая этим разбудить арестанта, однако тщетно. Толстой даже не пошевелился. Второй солдат решительно шагнул к узнику, намереваясь совлечь с него все покрывала, но капитан предостерег его:

– Не трогай! Пусть себе спит...

Ещё раз окинул взглядом камеру, заметив в правом углу небольшой образок Богоматери. Лампада перед ним затухла.

– Лучше огонь зажги! – он протянул солдату свечу.

Стуча сапогами, тот прошёл в правый угол, проворно снял с полочки небольшую склянку и увидел, что масло в ней выгорело дочи́ста.

– Никак нельзя, вашбродь, – он помахал пустой посудинкой, – тут пусто всё...

Капитан пожал плечами:

– Вот незадача! Ты погляди хорошенько, поищи, может, где-то штоф с маслом имеется.

Второй солдат подошёл к товарищу, и они оба стали шарить по углам.

– За сундуком ищите... – до слуха Воробьёва донёсся дребезжащий стариковский фальцет. Капитан встревоженно оглянулся. На топчане из-под шубы и одеяла, словно из глубокой норы, на него глядели маленькие, чуть блестящие зрачки. Невольно подтянувшись, Воробьёв негромко произнёс:

– Желаю здравия, Ваше сиятельство!

Узник не ответил, а солдаты тем временем нашли зелёную бутылку с деревянным маслом. Извлекая из горлышка тряпичную пробку, один из них стал осторожно наливать в склянку, которую поднёс ему солдат со свечой, тонкую струйку желтоватой жидкости. Капитан не отводил глаз от знаменитого арестанта. Толстой глубоко вздохнул, слегка сдвинул лежавшие на нём покрывы – меховая шапка, нахлобученная до самых бровей, и седая, запущенная борода скрывали почти всё лицо.

– Который нынче час, Лука? – едва слышно спросил он.

– Луку Перфильева, Ваше сиятельство, разжалокали, – доверительно пояснил капитан, – а час осьмой был с утра...

Узник с минуту помолчал, потом взглянул в лицо новому начальнику:

– А ты кто будешь?

– Капитан Воробьёв, – коротко, по-военному ответил тот.

Наполнив склянку, солдаты подпалили фитиль и, перекрестившись, поставили горящую лампаду перед иконкой. Толстой, высунув нос из своего укрытия, внимательно наблюдал за ними.

– Звать-то тебя как? – он перевёл мутный стариковский взгляд на капитана.

– Григорием, Ваше сиятельство...

– Сам откуда будешь?

– Местный я. Тутешний, – охотно признался Воробьёв, – в здешнем гарнизоне служил.

Арестант закрыл глаза. Солдаты выжидательно переглянулись и дружно уставились на своего командира. Воробьёв неловко переступил – ему подумалось, что важный преступник вновь погрузился в сон. А Пётр Андреевич неожиданно пошевелился и слабой старческой рукой пытался откинуть одеяло и шубу. Капитан хотел прийти ему на помощь, но, вспомнив о подчинённых, приказал:

– Подсобите ему! Живо!

Солдаты подскочили к старику, откинули все покрывы, и оказалось, что кроме шапки он был одет в толстый стёганный халат, суконные порты, шерстяные чулки и валеные сапожки. Держа его под мышки, они старательно усадили узника, не понимая, для чего всё это? Толстой, кряхтя, двинул бледной, бескровной рукой:

– Нужду мне справить надобно. Ведро там... – он показал на угол у двери.

Один из солдат всё ещё держал в кулаке свечу, помогая арестанту свободной рукой.

– Давай её сюда! Я посвечу... – распорядился капитан.

Солдат отдал ему огонь и помог товарищу спустить ноги Толстого с топчана. Воробьёв посветил в угол у двери, где стояло деревянное ведро. Когда подошвы его ног коснулись каменного пола, Пётр Андреевич тихо проронил:

– Не меня к ведру несите, а его ко мне...

Солдаты взглянули на командира, и тот хмуро бросил:

– Делайте, как они велели.

Приказ капитана хочешь не хочешь, а приш-

лось выполнять. И пока нижние чины подносили ведро, распускали старому невольнику порты, помогая ему облегчить нужду, Воробьёв поместил свечу в оловянную солонку на столе, стараясь не смотреть в сторону происходящего.

Услышав, как слабая, жидкая струйка вяло стекает в деревянную ёмкость, капитан, совсем неожиданно для себя, от души пожалел старого арестанта. «Вот ведь судьба-злодейка! Едал когда-то сладко, пивал взахлёб вина заморские, пировал на золоте да серебре, в парчу да бархат арестанта. «Вот ведь судьба-злодейка! Едал когда-то сладко, пивал взахлёб вина заморские, пировал на золоте да серебре, в парчу да бархат арестанта, а ныне?!» – с грустью подумалось ему.

Удары судьбы, свалившиеся на бедного графа, вовсе не казались капитану чем-то явно несправедливым и случайным. И даже мысли о возможном, непременном воздаянии за содеянное кому-то зло тоже не приходили ему в голову. Как всякий русский человек, он привык считать все беды и несчастья обязательными условиями жизни. Кому-то в ней несказанно везёт, а другому одни шишки сыпятся на голову! Видимо, над славным невольником тяготеет злой рок.

– Ну всё, братцы! Спасибо... – прозвучал тихий голос.

Солдаты привели старика в должный порядок и уложили в постель, накрыв одеялом и шубой. По всему было заметно, что Толстой с трудом, но всё-таки приободрился. Капитан увидел чуть заблестевшие глаза и лучики морщин у седых висков.

– Еду, Ваше сиятельство, мы тотчас доставим, – бодро доложил он.

Пётр Андреевич не ответил, а лишь неспешно прижмурил веки, давая понять, что всё услышал. Воробьёв кивком указал подчинённым на использованное ведро и шагнул к порогу. Солдаты, прихватив с собой «парашу», двинулись следом.

Строгий указ предписывал им накрепко затворить дверь, навесить засов и запереть замок. Но капитан, покинув камеру, не стал следовать беспечному приказу. Железный засов и тяжёлый замок остались без надобности. И в самом деле – куда и как мог сбежать старый, немощный арестант, жить которому оставалось какие-то считанные дни и часы?!

47

Ожидая возвращения наследника, Пётр не забывал и не оставлял важных государственных дел. Первопрестольная – город, принесший царю столько бед и злоключений, жил скрытой,

потаённой жизнью. Как и прежде, в его храмах и монастырях кучковались ревнители косной старины, «большие бороды», люто ненавидевшие царя-святотатца. И возлагавшие все надежды на благочестивого царевича, должного, по их несокрушимому убеждению, отменить все несправедливые, богомерзкие указы отца. Московский люд с опасеньем и тревогой следил за тайной борьбой в коридорах власти...

Слухи о бегстве Алексея за границу, потом о его насильственном или добровольном возвращении какими-то неведомыми путями проникали в народ. Пётр об этом знал и старался кое-что предупредить. Там же, в Москве, он издал несколько указов, и среди них – указ о доносительстве. В нём было три главных пункта: об умысле на здоровье государя, об измене и бунте, о хищениях казны.

По первым двум – осведомителям надлежало явиться ко дворцу Его Величества и лично передать донос. А по третьему – в приказ Тайных дел. Виновных в умысле на жизнь царя наказывали безжалостно: рвали ноздри и ссылали на галеры, так же поступали и с зачинщиками бунта. Государь не столько беспокоился о своей жизни и здоровье, сколько о судьбе России. Он был почти уверен, что с его внезапной кончиной придёт крах всем его неимоверным трудам и свершениям.

Фигура злосчастного Алексея, ставшего, по воле судьбы, главным могильщиком отцовских реформ, неотступно маячила перед его мысленным взором. Петру доносили: чем ближе к русским границам движется карета с наследником, тем шумней и восторженней принимают её простые люди. Часто разносятся клики: «Слава царевичу! Благослови, Боже, будущего государя нашего!»

Понятно, что эти дикие восторги и благостные ожидания радости у Петра не вызывали. Однако же он не ударился в панику и готовился противостоять всему. Ближайшие его помощники: Меншиков, Головкин, Шафиров и Шереметев, съехавшись к государю в Кремль, держали совет. Пётр, почему-то не жаловавший Москву своей любовью, всё-таки наиболее важные, судьбоносные решения предпочитал принимать в старой столице. Вероятно, идя на уступки самым дремучим ретроgrадам.

А ведь главный символ Москвы – старый Кремль – средоточие всех его святынь, мощи и великолепия, выглядел не лучшим образом. После пожара в июне 1701 года в нём сгорели Теремный дворец, Оружейная палата, царицыны

палаты, многие церкви, даже Успенский собор был повреждён огнём.

И с тех пор, особенно с началом нескончаемой Северной войны, в нём не производилось никаких восстановительных работ, денег на это попросту не было. Во всех кремлёвских дворцах царило запустение, и Верхняя палата, в которой расположился государь вместе с сановниками, имела весьма обветшалый вид.

Старый фельдмаршал Шереметев, бывавший здесь ещё во времена покойного царя Фёдора Алексеевича, с грустью оглядывал обшарпанные стены, когда-то обитые посеребрённой кожей, а ныне вытертые до дыр, широкие скамьи, некогда затянутые разноцветным бархатом, а теперь ободранные целиком. Высокое, дорогое кресло в углу под образами, украшенное искусной резьбой и позолотой, на котором обычно восседал хозяин, даже оно потрескалось и облупилось...

Но государю, как видно, не было никакого дела до этой вопиющей разрухи и обнищания. Он, по обыкновению, ходил из угла в угол, зорко поглядывал на своих помощников, не уставая их вразумлять:

– Сие уж кому-кому, а вам всем давно ведомо – мой никудышный наследник к делам государства непригоден... – Пётр на секунду замер, потом резко махнул рукой. – Терпеть его далее я не намерен, особливо после того, что он, негодник, сотворил!

Вельможи молчали. Случайно или намеренно так получилось, но вся эта четвёрка состояла из людей, разных по происхождению и влиянию. Шереметев и Головкин имели солидную родословную и могли на равных соперничать со старой знатью бывшей столицы, а Меншиков и Шафиров, напротив, выбились из самых низов, особенно Светлейший князь. Головкин осторожно заметил:

– Но будем надеяться, Пётр Алексеич, что с Божьей помощью Алексей Петрович всё-таки остепенится, – он истово осенил себя крестом.

Государь придирчиво оглядел своих помощников. На тучном лице Шереметева застыла благостная, милосердная улыбка. Фельдмаршал явно поддерживал канцлера. Светлейший прятал под густыми бровями пронзительные голубые глаза, занимая выжидательную позицию. И только юркий, толстенький Шафиров не мог скрыть очевидный протест:

– Как в народе-то, Гаврила Иваныч, говорят – на Бога надейся, а сам не плошай! – он искоса взглянул на своего начальника и повернулся к царю. – Надо бы, Пётр Алексеич, главной опоры

его лишить, дабы он, чего доброго, в голову себе мыслей лишних не забрал...

Сколь туманна ни была фраза, все присутствующие догадались, о чём идёт речь. Подканцлер имел в виду привычное окружение Алексея. Люди, плотно опекающие наследника, наверняка ведь добровольно не сдадутся и будут искать малейший повод, чтобы затеять смуту в стране. Слава богу, что давным-давно почил царевна Софья, но затаились её верные приспешники и с годами лишь умножаются их мятежные ряды.

– Наследства я его лишу, – твёрдо заявил Пётр, – а далее что? Упечь его в монастырь? А в который? Ну-ка, подскажите...

– Да он, мин херц, жениться вскоре намерен... – вступил в разговор Меншиков. – А коли станет монахом – прощай тогда его чухонка!

Шереметев рискнул взять царевича под защиту: – И пуцай себе женится! Глядишь – в заботах семейных с головой увязнет! Не до праздномыслия ему станет.

Государь понимал, что помощники не могли целиком разделять все его неустанные думы о будущем России. Каждый относился к ним по-своему. Осторожный, осмотрительный канцлер Головкин так глубоко задумываться вовсе не привык и не хотел. Старый боевой товарищ царя Шереметев по доброте душевной видел всё в розовых тонах. Бывший денщик, а ныне – второй человек в государстве Меншиков искал во всём личную выгоду и был готов к любому повороту событий. И лишь маленький, толстенький Шафиров говорил о будущем открыто и прямо.

– Что скажешь, Пётр Павлович, – обратился к нему царь, – следует мне постричь наследника в иноки? Не переусердствую ли я?

Тот ответил не чинясь:

– Смотря по обстоятельствам, Пётр Алексеич.

Три других сановника разом подумали, что хитрый подканцлер ловко вывернулся. И только царь так не считал:

– А ежели все обстоятельства выйдут боком? Что тогда?

– Тогда следует, – чётко ответил маленький человек.

Пётр перестал вышагивать по комнате, грузно опустившись в старое кресло. Когда-то, восемнадцать лет назад, ему казалось: затеяв войну со шведами, он переживал главные судьбоносные минуты своей жизни. А потом была Полтавская битва и те же судьбоносные мгновения. Затем провальный Прутский поход, турецкое окружение, возможный плен и неминуемый крах всего

достигнутого. Но, слава Богу, всё обошлось. А что теперь? Неужто его вновь настигли едва переносимые, жестокие удары судьбы...

Так что же ныне? Ведь он не хотел горькой доли своему нелюбимому сыну. Будь Алексей крепче характером, стань наследник прямым, яростным, непримиримым противником отца – Пётр наверняка уважал бы его. Как уважал своего врага – Карла XII. Но сын вырос лживым, уёртливим и бесхребетным. Охотно поддавал под чужое тлетворное влияние и становился жалкой игрушкой в ловких, своекорыстных руках. Многие из окружения царя или не видели, или не хотели этого видеть.

А Пётр смертельно опасался одного: когда-нибудь его злосчастный первенец сделается послушным орудием и кровавым знаменем буйного, жестокого, безрассудного мятежа. Как беглый иннок Гришка Отрепьев, ставший главою польских захватчиков. И полетят в бездну, в тартарары все тяжкие, неусыпные труды, ведущие к славе и благу Отечества!

Сановники дружно молчали. Каждый из них, в пределах своего ума и воображения, пытался нарисовать себе, о чём думает царь. Меншиков, ближе и лучше всех знавший Петра, готов был поклясться, что государь уже принял решение и бедному наследнику ничего хорошего не светит.

В передней послышались быстрые шаги. Все насторожились. Денщик царя Полубояринов вырос на пороге:

– Государь, Алексея Петровича привезли!

Пётр быстро встал, и разом поднялись все высшие сановники...

48

Розовая сыпь на теле Марии превратилась в обширные пятна тёмно-бурого цвета. В центре каждого из них образовались небольшие ямки, окружённые своеобразным венчиком. На губах и в уголках глаз появились гнойные язвочки. Вновь поднялась температура. Светлейший из последних сил собрал в кулак остаток воли, энергии и терпения. Он давно понял, какой кошмарный недуг подкосил его дочь, зная, что излечить его невозможно. Оставалось только уповать на благоволение свыше и смиренно умолять Господа...

Князь помнил – ведь бывали случаи, когда эта страшная болезнь всё-таки отступала. Язвы на теле больного постепенно подсыхали, корка, их

покрывавшая, благополучно отпадала, оставляя на коже лишь частые щербинки. Анисья, неустанно ходившая за больной, тоже поняла, какая хвороба свалила девушку, однако же не называла её вслух и не говорила об этом князю.

Они оба, склонившись над изголовьем Марии, старательно и с тайной надеждой осматривали её, желая найти малейшие признаки улучшения. Девушка была без сознания. Дышала тяжело, временами хрипела. Светлейший с трудом удерживал слёзы.

Вторая служанка – Мавра, стоя в паре шагов от постели больной, довольно спокойно наблюдала за всем. Вряд ли она не сочувствовала общему горю, но, будучи женщиной ленивой и беспечной, попросту не хотела утруждать себя лишними движениями тела и души. Мария что-то невнятно забормотала, потом потянулась руками к лицу. Анисья успела перехватить оба запястья, не позволив ей коснуться губ и щёк.

– Руки-то надо бы привязать, – негромко подсказала Мавра, – не то личико оне себе попортят!

Девушка застонала и вдруг открыла глаза. Веки её обильно гноились. И взгляд был тяжёлый, непонимающий. Увидев Анисью и жалостливое лицо отца, Мария, скорее всего, ничего не поняла и никого не узнала. Светлейший с надеждой придвинулся ближе, словно эта близость могла помочь дочери быстрее прийти в себя. Вопреки ожиданиям, сознание к несчастной возвращалось медленно и мучительно. Анисья была первой, кого больная наконец-таки узнала.

– Пи-и-ить... – прохрипела она.

Анисья повернула голову, и Мавра протянула ей кружку с водой. Верная сиделка отпустила запястья тонких девичьих рук, взяла кружку и осторожно поднесла её к губам больной. Князь, воспользовавшись своей близостью, попытался приподнять голову дочери. Она искоса глянула на него, не признав в косматом, темнолицем старике с запущенной бородой родного отца. С усилием сделала несколько крошечных глотков, вновь улеглась на подушку, жалобно простонав:

– Больно!

– Где больно, родная?! – страдая и сочувствуя, спросил князь.

– Губам больно... – тихо ответила Мария, с трудом узнавая его.

– Теперь оне ни пить, ни есть не смогут, – буднично заключила Мавра.

Анисья сердито покосилась на неё, а Светлейший не проронил ни звука, хотя услышал злое предсказание. Раньше за подобные слова

нерадивая служанка получила бы крепкие тумачи и вылетела вон, но теперь у князя на счету была каждая живая душа. И разбрасываться, даже никудашными людьми, он не отваживался. Мария с усилием закрыла глаза, а заботливая сиделка коснулась её лба, сокрушённо качнула головой.

– Что? – участливо спросил князь.

– Огнём горит, сердешная... Прямо страх Божий! – Анисья боязливо перекрестилась. Князь тоже перекрестился. Обернувшись к товарке, сиделка попросила:

– Мавруша, неси-ка мне льду! – и протянула кружку.

– Да где же я его возьму? – оторопела прислуга.

– Возьми топор, у порога наледь намёрзла, – хмуро подсказал князь.

Мавра с кружкой в руке угрюмо вышла из комнаты. Мария застонала и вновь протянула бледные, тонкие пальцы к щекам. Бдительная сиделка умело поймала её запястья и ловко придержала их.

– Неужто связывать придётся? – с грустью заметил отец, понимая, что эту крайнюю меру хочешь не хочешь, а нужно применять.

Он вспомнил, как много лет назад, в Малороссии, во время войны со шведами, видел слепого бандуриста, лицо которого было сплошь изрыто глубокими, причудливыми лунками. Это было следствием той страшной болезни, постигшей и его дочь. Говорили, что люди, страдавшие ею, яростно царапали себе лицо и буквально выщипывали глаза...

– Не придётся, барин, – жалостливо ответила Анисья и пояснила, – я ручки ей в рукавички одену и зорко следить буду.

В душе у Светлейшего поднялась тёплая волна благодарности к немолодой, отзывчивой женщине. Он помнил, что покойная жена всегда отличалась и благоволила к верной прислуге. Анисья служила не за страх, а по совести. Терпеливо переждав до тех пор, пока зуд в лице у бедной девушки не унялся, сиделка отпустила её руки, бережно уложив их по бокам пышущего жаром тела. Дверь открылась, в комнату вошла Мавра, держа перед собой кружку, полную осколками льда.

Анисья поднялась и засуетилась, взяла чистую тряпицу, аккуратно положила на неё кусочки битого льда, свернула всё плотной колбаской...

– Вы идите к себе, барин, – ласково обратилась она к хозяину, – отдохайте... А мы с Маврушей как-нибудь управимся...

У того комок подступил к горлу, но, пересилив себя, Светлейший встал, бросил короткий взгляд на дочь. Нежное лицо девушки было

сплошь усеяно тёмно-красными пятнами, похожими на раздавленные ягоды земляники. На губах пузырились язвы... Тяжело вздохнув, он вышел в тесный коридор. До двери в его комнату было всего-то четыре шага, но князь сделал два и замер. Он не мог переступить порог, зная, что там сидят дети и покорно ждут его.

Привалившись лбом к холодной стене, Светлейший стал беззвучно и жарко молиться. «Боже милостивый! Сжался над бедной девочкой! Пощади её, унеси все муки и страдания! Дай ей силы и крепости! Помоги одолеть проклятую хворь!» – чуть шевеля губами, умолял бедный старик, осеняя себя крестным знамением. В соседней комнате звучали детские голоса. Светлейший перекрестился в последний раз, глубоко вздохнул, сделал ещё два шага и открыл дверь.

Александр и Александра, сидя за столом, негромко о чём-то болтали, разом обернувшись в сторону отца. И тут же смогли понять, что дела за стеной плохи, хотя родитель, насколько бедному хватало сил, старался не выдавать этого. Старику казалось, что только досада и озабоченность отпечатались у него на лице. Но чада, полмесяца жившие в непрерывной тревоге и ожидании чего-то неминуемого и страшного, по малейшим, едва заметным признакам предвосхищали трагический конец.

– Ей плохо? Она страдает? – боязливо спросила младшая дочь.

Князь грузно опустился на табурет, провёл рукой по усам и бороде и ответил, не глядя в лица детей:

– Когда как... Любая болезнь свои загогулины имеет... – ему не хотелось говорить правду, замечая, что они и без того напуганы, но скрывать всё тоже не было резона. – Наша добрая Анисья сейчас ей славную примочку сделает (он имел в виду холодный компресс), и Машеньке сразу полегчает, – он даже пытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, неуверенной.

– А нас она не тронет? – не выдержав, забеспокоилась дочь.

– Кто? – не понял отец.

– Ну, оспа эта... – подсказал сын.

Светлейший смешался. Сколько он помнил, никто в его присутствии не называл по имени эту страшную болезнь.

– Кто тебе сказал?! – прозвучал его сердитый голос.

– Мавра, – тихо обронил Александр.

– Ещё она сказала, – с опаской подхватила

сестра, – оспа ходит по ночам с совиными очами, с железным клювом.

Отец надолго замолчал. Идти в соседнюю комнату, чтобы устраивать разнос болтливой и нерадивой прислуге, едва ли будет уместно. Слово уже произнесено, и запретить его невозможно. Остаётся лишь уповать на то, чтобы эта мерзкая, убийственная зараза, выкашивавшая, по слухам, целые народы и государства, не затронула его младших детей!

И князь, неожиданно поднявшись с табурета, рухнул на колени, повернувшись лицом в правый угол, где висела икона Спасителя, стал истово креститься и шептать молитвы. Дети во все глаза уставились на него. Коленопреклонённого отца они видели впервые...

49

Возвращением и наказанием бежавшего наследника государь решил не ограничиваться, а поставил себе целью найти и вырвать с корнем все тайные ростки крамолы. Для чего была создана «Тайная розыскных дел канцелярия». Возглавить её царь поручил Петру Андреевичу Толстому. Кому ещё как не этому умному, ловкому, оборотистому человеку заниматься поиском и уничтожением явных и скрытых врагов. Пётр Андреевич принялся за дело с толком и размахом.

Первой его жертвой стал, разумеется, Алексей. На первый взгляд, с провинившимся царевичем всё было понятно, но лишь на первый взгляд. Будь на месте Толстого не в меру ретивый и угодливый исполнитель, он бы, ничтоже сумняшеся, подверг виновника жесточайшему допросу и скоренько подвёл бы его под суровое наказание.

Но зная своенравную, неукротимую натуру царя, Пётр Андреевич не торопился. Он не только занимался расследованием, но и внимательно наблюдал за настроением государя, стараясь ничего не упустить из виду. А Пётр вёл себя по-разному. Встретившись с послушником-сыном в Кремле, он поначалу вознамерился простить его. И опять же Толстой настоятельно советовал Алексею пасть перед отцом на колени и умолять о прощении.

Войдя в палату, где находился государь и его ближайшие сановники, царевич, без шпаги и парика, в помятом кафтане и нечищенных сапогах, опустился перед ним ниц, дрожащим, срывающимся голосом умоляя простить его...

Картина получилась поистине библейская. Пётр, любя некоторую театральность, торжественно приблизился к блудному сыну, наклонился и поцеловал его в опущенную, повинную голову. Шереметев и Головкин прослезились. Толстой и Шафиров смущённо потупились. Один лишь Меншиков не изменился в лице. Светлейший словно предчувствовал, что этой умильной сценой дело не ограничится. На этом библейские страсти закончились.

Стоя на коленях, Алексей протянул отцу бумагу. Это было покаянное письмо, в котором он признавал себя недостойным сыном, виновным в попытке измены отечеству и не должным быть наследником престола. Пётр бумагу принял, помог царевичу подняться и, в свой черёд, объявил ему, что от престола он отрешён.

Наследник принял всё как должное, но оказалось, что чаша позора ещё не испита до самого дна. Далее полагалось подкрепить слова царя обязательной присягой и церковным уставом, ибо деяние это и мирское, и духовное. Все сановники настороженно переглянулись: ведь в России подобное событие случалось впервые.

Конечно, наследников престола свергали и даже убивали, многие помнили историю несчастного царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. Кстати, и самого Петра, бывшего десятилетним мальчишкой, тоже когда-то низвергли с трона. Но чтобы сам наследник, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, отказался от притязаний на царство – такого страна ещё не знала!

– Как вам будет угодно, батюшка! Я на всё согласен... – покорно ответил блудный сын.

– Добро, – голос царя прозвучал веско и удовлетворённо, – приводи себя в порядок, а вскорости мы с тобой все наши тяжбы, как должно, решим. Под присягой и в храме Божьем! – он широко перекрестился.

Алексей не поднимал головы. Пётр подал знак капитану Румянцеву, неотступно надзирававшему за наследником. Тот приблизился к Алексею и тихо шепнул ему что-то на ухо. Бедный царевич, ни на кого не глядя, неуклюже повернулся и, как журавль, мерно ступая, зашагал вслед за бравым капитаном.

Все присутствующие, включая отца, проводили его внимательными взглядами. В глазах большинства, кроме Меншикова, сквозила жалость и сочувствие. Даже государь, на мгновение, тоже поддался общему настрою, сокрушённо сдвинул густые каштановые брови, выразительно сжав губы с полоской кошачьих

усов. Но стоило нескладной фигуре наследника исчезнуть из виду, Пётр обернулся к Толстому и оживлённо воскликнул:

– Скажи-ка нам, Пётр Андреич, как тебе удалось обвести императора вокруг пальца и все козни его пресечь?! Лихо ж ты это проделал!

Сановники тут же повернулись к заслуженному триумфатору.

– Ну, рассказывай! – настаивал царь и первый опустился в кресло, подавая пример остальным.

Сановники тоже уселись на свои места, горя желанием услышать поучительную историю. Пётр Андреевич не спеша выбрал свободный стул, прочно занял его, маленькими цепкими глазками зорко оглядел слушателей. Аудитория замерла.

– Из Венеции мы, значит, напрямиком отправились в Вену, поелику Алексей Петрович непременно того желал, а нам с Румянцевым этого пресечь никак не удалось, – он сокрушённо вздохнул, – затевать скандала мы никак не хотели – надо было тайну сохранить... Политес соблюсти...

Слушатели без лишних объяснений поняли, что бедного наследника вывозили, по сути, контрабандой.

– И вот полтора месяца мы, как сукины дети, тряслись по мокрым, грязным дорогам, а в Вену приехали в начале декабря...

– Числа не помнишь? – перебил Пётр.

– Ну как не помнить? Я ещё из ума не выжил. Пятого декабря, поздно вечером, в канун дня Святого Николая, – Толстой проворно перекрестился, – а наутро мы отправились дальше...

– А как же свидание с императором? – вклинился Меншиков. – Ведь Алексей этого хотел!

Старый интриган снисходительно усмехнулся:

– Надо думать, что мы не даром столько дней в колымаге этой бок о бок телепались – отговорил я его! Мол, как в таком непотребном виде да в захудалом экипаже, в замызганном платье, невымытым и нечёсаным, на глаза владыке европейской-то державы показаться?! Ещё, мол, чего доброго, засмеют! Он, поразмыслив, согласился.

В Моравии карету строго задержали по приказу тамошнего генерал-губернатора. Толстой был вынужден подчиниться. Остановившись в гостинице тихого городка Брюнна, незадачливые путешественники приуныли. А к ним прибыл посыльный и объявил, что сам губернатор приедет для встречи с царевичем. Пётр покачал головой:

– Зело крепко вы Карлусу (он имел в виду императора Карла VI) досадили! Не ожидал он такого!

– Это точно, – согласился Толстой, – спохватился он только поздно...

– А что сказал губернатор? – напомнил Меншиков.

Пётр Андреевич развёл руками:

– Ничего. Опять я уломал Алексея Петровича, чтобы он не принимал губернатора.

Сановники озадаченно переглянулись. Вышло так, что старый интриган всецело подчинил себе наследника.

– И вы поехали дальше? Нахальным манером? – подсказал Шафиров.

Рассказчик шумно вздохнул:

– Куда там! Этот чёртов губернатор пять дней нас в городе этом продержал! И добился-таки встречи с... – Толстой хотел сказать «с наследником», но вовремя спохватился и буркнул, – с Алексеем Петровичем.

А вот это, между прочим, были одни из самых ответственных и напряжённых минут. Генерал-губернатор, выполняя приказ Карла VI, поставил жёсткое условие: если он не увидится с Алексеем, то беглецы будут немедленно арестованы. Пётр Андреевич условие это принял и выдвинул своё: встреча должна состояться в присутствии его и капитана Румянцева.

Она таки состоялась. Пугано и жалко несчастный наследник старался оправдать свой проступок. Он сказал, что у него не было приличного экипажа и соответствующего наряда, а предстать перед высокой особой императора в грязном и позорном виде он не имел права. Губернатор не нашёлся с ответом. Но, вероятнее всего, ему пришлось в голову одно-единственное объяснение – чёрт их разберёт, этих русских медведей!

– А что было потом? – не отступал Меншиков.

– Потом я проводил его до двери, – спокойно ответил Толстой, – и приказал собираться в дорогу... И вот мы здесь, в Первопрестольной!

В палате воцарилась многозначительная тишина. Государь медленно встал, пересёк комнату, молча приблизился к Толстому. И не успел Пётр Андреевич подняться, царь сдёрнул с его бесценной головы длинный, пышный парик и звонко поцеловал в обширную плешь. Сановники благодушно заулыбались...

50

Весь обряд полного отрешения наследника от престола проходил в Успенском соборе Кремля. С раннего утра на тесную площадь между Ар-

хангельским и Благовещенским соборами стал собираться народ. Москвичи не только прослышали о предстоящем событии, но накануне узнали из царского манифеста, «что царевич Алексей постоянно пренебрегал обязанностями, возложенными на него отцом. Сторонился воинских и мирских дел. Наконец, позорно бежал из страны. Терпение государя не безгранично, и, тем не менее, он прощает его, освобождает от наказания, но лишает наследства. Объявляет своего младшего сына наследником престола, и все подданные должны его таковым признать и целовать на этом крест. А кто по-прежнему будет ратовать за Алексея – те объявляются изменниками».

Народ, с незапамятных времён приученный подчиняться верховной власти, без особого желания стекался в Кремль. Люди, тесными кучками устремившиеся в Боровицкие и Спасские ворота, были одержимы только одним неумным любопытством. Что ни говори, а невероятное событие, впервые происходившее в России, не могло остаться незамеченным. Тем паче, что сам Кремль, вовсе оставленный государем после знаменитого стрелецкого бунта, вновь сделался главным соборным местом страны. Хотя выглядел он далеко не лучшим образом.

Грановитая палата, чудом сохранившаяся после пожара 1701 года, где когда-то совершались торжественные, пышные приёмы иностранных послов, превратилась в заурядный балаган, в котором игрались свадьбы царских шутов и ставились «комедии» и «диологии». Теремный дворец стоял без окон и дверей, полы в нём провалились. Крыши большинства палат были наспех покрыты тёсом и дранкой, а в государевых покоях крыша напрочь отсутствовала. Всё это удручающе действовало на людей.

Они видели воочию, что их любимая столица и сердце её – Кремль – осквернены, брошены царём-антихристом. Успенский собор, в коем должна была совершаться церемония отрешения беглого царевича, тоже частично погорел, но был с грехом пополам восстановлен. Что ни говори, а он оставался главным храмом страны. Последним крупным событием, произошедшим в его стенах, было всенародное молебствие, состоявшееся тоже в феврале 1711 года, перед началом войны с турками. Война была проиграна, царь едва не угодил в плен...

Высшее духовенство, сенаторы, сановники, крупные чиновники, богатые купцы собрались под сводами храма. Простой люд толпился на площади. Пётр, в зелёном мундире офицера

Преображенского полка, но с солдатским галстуком на шее, возвышаясь на целую голову над окружающими, стоял вблизи высокого анаоя, на котором лежало Евангелие и рядом – исписанные листы бумаги. Митрополит, в митре и торжественном облачении, вместе со всем своим клиром находился по другую сторону.

Государь, зная настроения московского духовенства, не ждал от него молчаливого одобрения своим действиям, зато был твёрдо уверен, что никто не дерзнёт ему прекословить. Ведь вся духовная верхушка многие годы покорно, безропотно подчинялась светской власти. Единственное, чему робко следовали церковные чины – открыто не выражать восторга и раболепия в присутствии царя. И потому все они стояли с постными, унылыми минами, дабы все православные видели – они не одобряют поступок самодержца, но скрепя сердце подчиняются ему, ибо «нет власти не от Бога».

Сенаторы и сановники тоже особо не воодушевлялись. Многие, очень многие с превеликой радостью не явились бы сюда, если бы не важное обстоятельство – своим зримым присутствием или отсутствием каждый свидетельствовал верность царю и трону. Только жестокая болезнь или смерть могла оправдать ослушника.

За стенами храма раздался шум, негромкие выкрики: «Ведут! Ведут!» Государь и все собравшиеся насторожились. Кого ведут, они поняли разом. У Петра от сильного волнения, как обычно, затряслась голова и задёргалось лицо. Меншиков, стоявший рядом, озабоченно взглянул на него. В храме воцарилась напряжённая, гнетущая тишина...

Толпа у входа безмолвно расступилась. Алексей в сопровождении Толстого и Румянцева медленно вошёл внутрь. Вид у царевича был убитый и раздавленный. Наверно, такое мертвенное выражение лица, вкупе с телесной немощью, бывает у людей, ведомых на плаху. Как ни крепились все участники постыдной церемонии – появление её главного героя потрясло каждого...

Даже жестокосердному Меншикову сделалось не по себе. Однако он не спускал цепких глаз с государя, вероятно опасаясь, чтобы тот вдруг не расчувствовался. Приблизившись к отцу на расстояние нескольких шагов, Алексей едва не сделал попытку упасть ему в ноги. Но царь дал знак Толстому и Румянцеву, и те вовремя подхватили наследника под руки, не давая ему разыграть душеспасительную сцену. Лёгкий шумок пронёсся под сводами храма.

Пётр сурово приказал одному из секретарей:
– Читай!

Секретарь Думашев взял с аналоя исписанный лист бумаги. Это был царский манифест. Резким, бесстрастным голосом он стал излагать то, что большинство уже знало. И, как ни странно, это скучное, монотонное чтение внесло заметное успокоение в тесные ряды собравшихся. Многие пришли в себя. Даже наследник, едва не потерявший сознание от всего происходящего, чуть ободрился и стоял на своих ногах, не опираясь на Толстого и Румянцева. Отец выжидательно покосился на него и перестал трясти головой.

Заключительные слова манифеста: «кто по-прежнему будет ратовать за Алексея – те объявляются изменниками», прозвучали в напряжённой, кладбищенской тишине. Окончив чтение, секретарь быстро поклонился и отступил. Царь кивком дал знак Толстому. Пётр Андреевич шепнул что-то наследнику, подтолкнув его в худую, полусогбенную спину. Алексей на деревянных ногах приблизился к отцу и в растерянности, исподлобья, взглянул на него. Пётр кивком показал ему на аналой, где лежало Евангелие. Царевич сделал два неверных шага и замер...

К нему тут же подскочил секретарь, сунул в левую руку наследника заранее приготовленный текст. Это была присяга. Митрополит и его свита настороженно переглянулись. Пётр, заметив это, цепко воззрился в лицо секретаря. Тот мгновенно уловил повеление монарха, ухватил холодную, безжизненную правую руку Алексея, ловко возложил её на Евангелие. Священнослужители приободрились. Их миссия на этом не закончилась.

Наследник едва слышным, прерывающимся голосом стал читать присягу. Зрелище, точнее – слушание выглядело омерзительным. Мало того, что половину слов, даже в мёртвой тишине храма, не было слышно, вид кающегося грешника парализовал собравшихся.

Многие, и в их числе фельдмаршал Шереметев, канцлер Головкин, сенаторы Долгоруков и Голицын, не стесняясь, роняли слёзы. Только сам государь, Светлейший князь, генерал Бутурлин и Толстой стояли с каменными лицами. Митрополит и его свита не поднимали голов, словно их не касалось всё происходящее...

Наконец Алексей произнёс последние слова, в которых он признавал истинным наследником своего единокровного брата Петра Петровича. Митрополит поднёс ему распятие. Царевич приложился к нему сухими губами. Секретарь

Думашев вручил ему перо и чернила. Дрожащей рукой блудный сын подписал лист присяги. Но на этом вся процедура не закончилась. Толстой и Румянцева увели её главного виновника, а затем новоизбранному малолетнему наследнику престола стали присягать все присутствующие и расписываться на особом листе...

По окончании важной церемонии государь отправился к себе в село Преображенское на обед, пригласив туда всех действующих лиц. И до позднего вечера все пили и веселились...

51

Кровь была на всём. На подушке и простыне Марии, на полу и стене. Девушка без усталости металась и стонала. Обе служанки и отец изо всех сил пытались удержать её, только тщетно. Переворачиваясь с боку на бок, хрипя и стона, несчастная словно хотела убежать от нестерпимой боли, терзавшей её слабое, измученное тело...

Светлейший с отчаянием и ужасом видел обезображенное язвами лицо, шею, плечи, руки, ноги дочери... И не было ни одного живого места, где бы страшная болезнь не впечатала свои мерзкие, гибельные следы. Будто в назидание окружающим, жажущим поскорее избавиться от неё, коварная зараза демонстрировала свою силу и могущество.

На мгновение замерев, девушка открыла гноящиеся глаза, обвела тусклым, невидящим взглядом лица отца и служанок и едва слышно прохрипела:

– Не могу больше... Хочу умереть...

Чудовищным усилием воли князь удержал рвущиеся из груди рыдания, стараясь не умножать без того тяжкие, непереносимые минуты. Мария перевернулась вниз лицом, надсадно закашлялась... И через секунду её стало рвать кровью...

Даже в лице бездушной Мавры мелькнуло какое-то подобие жалости, а сердобольная Анисья, наоборот, вся превратилась в хлопотливые заботы и горячее участие. Она подставляла ведро под струи слезы и крови, лившиеся из носа и рта несчастной. Старательно вытирала ей лицо, нежно гладила, ласково приговаривая:

– Ничего-ничего, родная! Крепись, золотко наше... Всё обойдётся! Всё уладится... И эту хворь поганую мы прогоним! Не дадим ей потачки...

Светлейший, собрав последние силы, молча наблюдал за суетой верной сиделки, чувствуя свою слабость и ненужность. Он, к сожалению,

уже ничем не мог помочь несчастной дочери. Она вдруг затихла: то ли рвота прекратилась сама собой, то ли силы оставили страдальицу. Обе женщины, с молчаливого уговора, перевернули девушку на спину и бережно уложили. Анисья повернулась к отцу:

– Ваше сиятельство, нам бы её переодеть.

Князь с трудом поднялся на ноги. От всего, произошедшего на его глазах, он почти оступел. Видимо, весь запас воли и долготерпения, отпущенный ему на долю, иссяк до дна, иссушив все чувства. Анисья и Мавра, предупредительно косаясь на хозяина, осторожно склонились над барышней. Он всё-таки уловил, что его присутствие стало лишним, и шагнул к двери.

– У молодых господ пятнышки появились... – вслед ему буднично обронила Мавра.

– Что?! – не понял князь.

– Пятнышки, говорю, у них... – с опаской повторила прислуга.

Светлейший механически кивнул и вышел. Казалось, упав на голову ещё одна сногшибательная весть или необъятный ворох бед и страданий – он даже не сморгнёт глазом и не двинет рукой. Ощупью найдя дверь в свою комнату, князь, запинаясь, переступил порог, тихо вошёл и рухнул на постель.

Александр и Александра, сидя за столом, с изумлением и страхом следили за отцом. То, что недавно происходило за стеной, они прекрасно слышали. Каждый стон, каждый хрип, каждый звук, доносившийся оттуда, будоражил и нагнетал ужас. Не видя и не понимая причин происходящего, но будучи запертыми в этом тесном каземате, не имея возможности ни уехать, ни убежать, бедные дети ощущали себя обречёнными.

Князь тяжело заворочался. Сын и дочь испуганно смотрели на него. Измученный, усталый, обросший неряшливыми сединами старик совсем не походил на их щеголеватого, надменного родителя, перед которым когда-то все униженно пресмыкались. А ведь не прошло ещё и года, как они очутились здесь, в этом диком захолустье!

Светлейший с трудом сел на кровати. Угрюмо, исподлобья оглядел насторожившихся детей и приказал:

– Возьмите свечу, идите ко мне!

Сын и дочь непонимающе переглянулись.

– Идите оба! – повторил отец.

Александр взял со стола тяжёлый медный шандал с горящей свечой и тихо приблизился к родителю. Сестра робко шагнула следом. Князь протянул руку, забрал у сына огонь, чуть отвёл

его в сторону, зорко сощурился. Дети обеспокоенно переглянулись. Действия отца вызвали у них оторопь и недоумение.

– А ну-ка, поверни голову! – скомандовал он сыну.

Тот повернулся боком. Светлейший внимательно всмотрелся в его щёку, лоб и подбородок. На бледной коже подростка атели красные пятнышки. Отец сокрушённо вздохнул, угрюмо качнул головой и приказал дочери:

– А теперь ты...

Александра, оттеснив в сторону брата, приблизила лицо. Родитель сделал плавное, круговое движение горящей свечой, стараясь разглядеть мельчайшие детали. Задорное личико младшей тоже пестрело алыми пятнами. Князю сделалось дурно. Едва удержавшись от обморока, он сунул подсвечник в руку сына, всхлипнул и грузно отвалился на постель.

Дети обеспокоенно переглянулись. Они едва смогли понять – отец разглядел в их лицах такое, что вконец расстроило его. Только были не в состоянии почувствовать, какую муку, горечь и отчаяние испытывает этот смелый, изворотливый, в недавнем сказочно везучий человек, жизнь которого вдруг исковеркалась совершенно непонятным образом...

52

Евфросинья – любовница наследника – возвратилась в Россию в апреле, когда ей приспело время рожать. Государь уже переехал в Петербург, захватив с собой отрешённого наследника. И Алексей, выполнив все пожелания отца, заметно приободрился, с нетерпением ожидая скорой встречи с возлюбленной.

На пути домой она получила письмо: «Батюшка, – писал царевич, – поступил со мной милостиво. Слава Богу, что от наследства меня отлучили! Дай Бог благополучно пожить с тобой в деревне». Но, против ожидания, его подружку сразу поместили в Петропавловскую крепость. И, входя в её нелёгкое положение, каземат бедной наложнице выделили не слишком тёмный и холодный.

Первым на свидание с узницей пришёл Пётр Андреевич Толстой в сопровождении своего ближайшего помощника Ушакова. Этот высокий, благообразный, с гвардейской выправкой майор слыл одним из самых немилосердных палачей. Неспешно войдя в камеру, Пётр Андреевич благодушно взглянул на подследствен-

44 Владимир Василенко

ную и чуть улыбнулся небольшим, похожим на кокетливый бантик ртом:

– Ну вот мы и свидетели опять, Афросинюшка!

Любовница царевича онемела от страха. Она никак не думала, что её встретят с распостёртыми объятиями, но угодить с дороги напрямиком в тюрьму уж точно не предполагала. А взглянув на молчаливого спутника Толстого, от внушительной фигуры которого веяло гибельным, замогильным ужасом, Евфросинья едва не упала с табурета. И ребёнок в её чреве беспокойно зашевелился...

Толстой встревожился:

– Да тебе, девонька, никак рожать пора? – Он повернулся к Ушакову. – Нешто мы не вовремя сюда явились, Андрей Иваныч?

Майор, бросив на узницу короткий, тяжёлый взгляд, бросил густым, громыхающим басом:

– Вовремя. Государь проволоочки не терпит.

Этот взгляд и раскатистый бас так неотразимо подействовали на заключённую, что она покорно закивала головой, и дитя в её утробе замерло.

– Тогда ответствуй, любезная, что тебе поведал Алексей Петрович? Какими тайными думами и мечтами делился? О чём грезил на досуге? – ласково осведомился проницательный старик, присаживаясь на свободный табурет. Тут бедная узница стала охотно и без малейшей утайки рассказывать своим дознавателям всё, что слышала, знала и о чём могла догадываться. Её пространные, простосердечные, ошеломляющие признания погубили бывшего любовника безвозвратно. Она с лихвой оправдала все надежды, возлагаемые на неё.

Допросы продолжались несколько дней. Вместе с Толстым и Ушаковым в камеру приходил канцелярист, подробно ведя протоколы допроса. Со слов узницы неопровержимо следовало, что Алексей прямо-таки жаждал смерти своего родителя.

Евфросинья передавала: «Царевич непристойные речи говаривал: – Я старых всех переведу и изберу себе новых по своей воле. Когда буду государем, буду жить зиму в Москве, а лето в Ярославле, Петербург оставлю простым городом. Корабли держать не буду, войско стану держать только для обороны».

Толстой и Ушаков, внимательно слушая эти убийственные признания, заговорщицки переглядывались. Любовница давала им в руки такие козырные карты, с которыми можно было вести любую игру. И, без сомнения, только выигрышную.

Они знали, что Алексей после отречения отве-

тил письменно и устно на вопросы, представленные отцом, выдав своих сообщников: Кикина, Вяземского, Игнатьева, Долгорукого и других, но себя он всё-таки выгородил. И многое утаил. Сообщников схватили, начались допросы, пытки, вновь допросы и пытки, наконец жестокие казни. Колесованием, отсечением головы, посадкой на кол, ссылкой... Алексей же понемногу успокоился. Гроза как будто миновала. И вдруг эти зубодробительные подробности!

– Он желал смерти своему отцу, нашему государю? – настоятельно спрашивал Толстой, зная, что каждое слово сейчас имеет особую цену и вес. – И даже насильственной?

– Желал, – отвечала налоговица и продолжала, – а после смерти на царстве останется его жена, – Евфросинья пояснила, – мачеха Алексея...

Толстой и Ушаков молча кивнули. Речь зашла о Екатерине.

– И будет бабье царство, но порядка не будет, а будет смута, – любовница вошла в роль, говоря словами царевича, – кто-то станет за меня, а кто-то за брата...

Следователи поняли, что речь идёт о наследнике трона, трёхлетнем Петре Петровиче. Обоим стало ясно: этих ошеломляющих откровений хватило бы на то, чтобы их автор сам подписал себе смертный приговор. А когда узница поведала о том, что царевич намеревался поехать в Рим и повидаться там с Папой, Толстой уяснил, что пора доложить обо всём государю.

Пётр принял его в Летнем дворце, на левом берегу Невы. Захватив с собой протоколы допросов, Пётр Андреевич подробно и обстоятельно рассказал всё, что успел выведать у словоохотливой заключённой. В кабинете царя находились Светлейший князь, канцлер Головкин, князь Долгоруков, вице-канцлер Шафиров, генерал Бутурлин.

Внимательно выслушав Толстого, государь, вопреки ожиданиям, не стал метать громы и молнии, негодовать и материться. Хотя кое-кто из сановников, тот же Шафиров и Бутурлин, явно хотели «выпустить пар». Но Пётр ответил тяжёлым, угнетающим молчанием. Он словно одолевал какую-то гигантскую высоту или отодвигал неподъёмную преграду.

– Ну, будет, – бросил он после долгого безмолвия, – эти признания Алексей подтвердил? – Царь посмотрел в лицо Толстому.

– На то Вашего повеления не было... – моментально ответил тот.

– Пусть он с ними познакомится и своё слово скажет... – в голосе самодержца едва заметно

прозвучали угрожающие ноты, и все, знающие его, поняли, что судьба старшего сына предрешена.

– А ежели он будет запирается? – спросил на всякий случай Толстой.

– Поступай с ним как с последним злодеем, – и в выпуклых глазах царя мелькнули мрачные огоньки. Всем собравшимся стало не по себе.

По приказу Толстого Ушаков арестовал Алексея в его двухэтажном особняке на Адмиралтейской стороне. Поместив царевича в камеру Петропавловской крепости, ретивые следователи тут же учинили ему допрос. Для начала арестанту дали прочесть показания его дражайшей возлюбленной. Толстой с помощником сидели напротив, не спуская глаз с бывшего наследника. Длинное, высоколобое, узкое лицо Алексея кривилось в мучительных гримасах. Следить за ним и делать нужные выводы не представляло ни малейшего труда. Утаить или отрицать то, что ставилось ему в особую вину, он просто не мог. Обезоруживающие откровения любовницы выбивали у него почву из-под ног.

Ушаков даже огорчился – малодушие подследственного лишало его рвения и азарта. Но Толстой чувствовал, что им ещё придётся попотеть. Дело было не в признании вины, а в том, что несчастный царевич мечтал порушить, предать забвению все труды и подвиги отца. Этого Пётр не простил бы никому и никогда. Превратить любимый царём «парадиз» в захолустный городишко?! Уничтожить флот?! Распустить армию?!

И Петру Андреевичу сделалось страшно от мысли, какая судьба ждёт бедного арестанта. В отличие от того же Меншикова, он не испытывал к царевичу неприязненных чувств. А подлое предательство несчастной наложницы не осуждал даже в душе, понимая, что выбора у той нет. Он и сам неоднократно поступал подобным же образом, принимая сторону сильнейшего...

Но, как бы то ни было – показания Евфросиньи погубили Алексея. Дальше начались истязания и пытки. Царевич окончательно запутал себя, выбалтывая такие тайны и подробности, которые, вероятно, лишь только грезилась ему. Теперь сам Пётр неотступно следил за процессом и неоднократно присутствовал при страшных экзекуциях.

Допрос проходил уже в особом застенке, со всеми атрибутами, необходимыми при подобных операциях: горне, где раскалялись добела железные крючья и клещи, дыбе, на которой подвешивали арестантов, кнуте и батогах...

Мы избавим читателя от подробных описаний того, как и почему происходили подобные мероприятия. Кстати, венценосный страдалец в них и не нуждался. Он и так выложил всё своим мучителем...

Однако нравы и порядки того времени иного не предполагали. Коль скоро Алексей попал в разряд грозных преступников и вероятных царевича – эту горькую, страшную чашу ему предстояло выпить до самого дна. А его суровый, непреклонный родитель давал наглядный урок всем своим подданным – любому, посягающему на верховную власть, будь он даже кровным сыном, пощады не будет!

53

Петербург преобразался. Пятнадцать лет со дня его рождения не прошли даром. Непрестанно воюя то со шведами, то с турками, Пётр всё-таки находил время и силы, чтобы заниматься благоустройством своего любимого «парадиза». Хотя, на взгляд современников, особенно иностранцев, восторги русского царя казались явно преувеличенными. «Рай на земле» они воспринимали с иронической ухмылкой...

Более-менее снисходительно ими принимался Невский проспект, проложенный руками пленных шведов. Кстати, каждую субботу (отсюда, скорее всего, и пошли знаменитые «субботники») пленные чистили его от мусора и прочих нечистот.

Назначив специальным указом генерал-полицмейстером молодой столицы Антона Девьера, Пётр иногда вместе с ним объезжал на своей одноколке все районы и улицы «парадиза». Как-то, подъехав к мостику через один из каналов, экипаж был вынужден остановиться. Из десяти дубовых досок, составлявших настил, кто-то, по старой русской привычке, стибрил пару-тройку штук для собственных нужд...

Царь не спеша оставил повозку, приказал кучеру сдвинуть доски строго под колёса одноколки. Они не были прибиты гвоздями. И пока тот исполнял приказ, Пётр взял в руку трость, с которой не расставался, и принялся охаживать спину высокого, ладного генерал-полицмейстера, приговаривая:

– Это прибавит тебе памяти! Мосты надо содержать в порядке! Сам будешь всё осматривать! Досконально! Дабы не случилось порухи...

На обоих берегах канала собрались зеваки:

калачники, сбитенщики, квасники, торговцы дичью... Наказуемый не противился, как должное принимая удары. Царь карал виновника усердно, но без лишней ярости. Все знали его знаменитый экипаж, а высоченную фигуру государя было видно издалека. Главный полицейский лишь виновато покряхтывал.

Закончив экзекуцию, Пётр взобрался на сиденье и жестом пригласил Девиера. Как ни в чём не бывало они продолжили путь. Побои бывшему денщику казались не в диковину, тем паче что он их заслужил. Стоял конец мая. Царская одноколка, влекомая рослым, сытым рысаком, бодрой рысью двигалась по неширокой улице. Экипаж ощутимо потряхивало...

Одно- и двухэтажные дома, больше деревянные, иногда неловко раскрашенные под кирпич, дружно лепились почти один к другому. Молоденькие берёзки, клёны, липы, заботливо огороженные хлипкой изгородью, кудрявились перед каждым строением...

Мостовая была вымощена булыжником, привезённым издалека, – весь «парадиз» стоял на болоте, и камень здесь был в редкость.

– На сколь ты велел дорогу расширить? – спросил Пётр у главного полицейского.

– Ещё на два аршина, государь, – ответил Девиер, почёсываясь украдкой.

– Значит, теперь она будет...

– Всего в пять аршин...

Одноколку так тряхнуло, что возница чуть не слетел с козел. Девиер испуганно округлил глаза. Но царь добродушно усмехнулся, показывая на дом, мимо которого они проезжали, – двухэтажный, с кокетливым мезонином, выстроенный из настоящего кирпича, он заметно отличался от соседних:

– Кто его хозяин?

– Купец первой гильдии Хватов, – мгновенно откликнулся Девиер, знавший наперечёт всех именитых людей города.

– Вот сукин сын! Такую домину отгрохал, а за проезжей частью ему следить недосуг! Угости-ка его тем, чем я тебя попотчевал...

Главный полицейский поклялся:

– Я с него живым не слезу, покуда он всё в порядок не приведёт! В пример всем остальным, государь...

Надзор и починка мостовой входили в обязанности владельца, перед домом которого она пролежала. Государь по-хозяйски оглядывал своё любимое детище. Конечно, до Парижа и Лондона Санкт-Петербургу было ещё далеко,

но в главном младенец уже преуспел. В отличие от той же Москвы, новая столица строилась по плану. В ней отсутствовали неприятная сельская простота и своеволие...

На Адмиралтейской стороне и возле Петропавловской крепости высились дома, построенные на голландский манер. На концах каждой улицы стояли шлагбаумы, в одиннадцатом часу вечера они закрывались. Рядом находилась будка с караульной командой, следившей за порядком в ночное время. Словом, это был по тому времени настоящий европейский город.

И Пётр хотел вплотную заняться ещё большим благоустройством, поскольку в Балтийском море на одном из островов архипелага Аланд проходили переговоры о заключении мира со шведами. Многолетняя война, выматывающая и высасывающая живые силы всего государства, близилась к завершению. Только вот затяжной процесс над злосчастным царевичем! Пётр не мог не думать об этом.

– Как полагаешь, Антон, – поделился он с Девиером, – прав царь Давид, когда говорит, что всякий человек есть ложь?! У кого же тогда правду искать?

Бывший денщик, прошедший суровую школу у своего державного властелина, не спешил с ответом. Если он, не колеблясь, согласится, то царь подумает, что тот наверняка лжёт. А сказать «нет» тоже будет неправдой. Не дождавшись ответа, Пётр переспросил:

– Вот твой шурин? Лукавец из лукавцев, а, однако же, столько лет меня за нос водил! – царь покрутил головой. – И я этому прохвосту верил! А он удержу не знал – крал всё подряд! Ни царя, ни Бога не боялся!

Речь шла о Меншикове. Девиер, женатый на сестре Светлейшего, и сам бы мог многое поведать о своём нечистом на руку родственнике, но государь, видимо, в подробностях не нуждался. Его волновала сама суть лицемерия и предательства. Девиер напряг память и произнёс:

– «Отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные, говорят со мной языком лживым...»

Пётр покосился на него и продолжил:

– «Отовсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины. За любовь мою они враждуют против меня».

Они оба вспомнили один из псалмов Давида. Царь с благодарностью похлопал бывшего денщика по широкому плечу. Слова из священной книги пришлись как нельзя кстати. Вечные законы бытия оставались вечными по-

тому, что ни библейский царь Давид, ни всемогущий российский самодержец не могли ни отменить, ни обойти их, несмотря на свою безграничную власть.

– Ну вот ответь ты мне, – Пётр в волнении затряс головой, – разве я не желал блага своему сыну? Не учил, не прощал, не потакал ему? От службы воинской освободил, поелику здоровьем слаб, и важных дел не поручал – бежит он от них как чёрт от ладана...

Девьер осторожно вставил:

– Они ему точно не по плечу.

– Согласен, – царь сердито взглянул на собеседника. – Тогда почему он желает смерти моей?! И хочет дело рук моих порушить?! – он показал на здание Адмиралтейства с высоким, золотившимся в лучах майского солнца шпилем.

В огромном его дворе, выходившем на берег Невы, стояли почти готовые и строящиеся торговые и военные корабли. Стучали топоры и молотки, звенели пилы, сновали и суетились плотники с кузнецами...

Кучер, сидевший на облучке, в шаге от седюков, повернул к ним ухо. Пётр, не любивший ненужных свидетелей, заметил это:

– И сообщников себе всюду находит. Таких вот соглядатаев да наушников, которым до всего нужда есть!

Возница отвернулся. Царь продолжил ядовито:

– Не дождутся они ни погибели моей, ни прощения! Поделом будет каждому! На том и будем стоять!

Он махнул рукой, насупился и замолчал. Девьер замер. Ему не хотелось ни поддакивать царю, ни тем более разубеждать его. Было понятно, что тот не нуждался ни в чьей поддержке. Положив все силы на благо и величие России, Пётр никому не позволит унижить и растоптать её. Этот северный далёкий город, эти дома, дворцы, сады, каналы, неприступная крепость и величественное Адмиралтейство – плоды его тяжких, неусыпных трудов...

И он – Девьер – тоже в какой-то степени – творение его сильных, мозолистых рук. Если бы два десятка лет назад молодой Пётр, будучи в Голландии, не увидел на торговом судне ловкого, обаятельного юнгу Антона и не взял его к себе на службу – судьба юного португальского еврея наверняка сложилась бы иначе!

Возможно, он дослужился бы до боцмана или, в конце концов, списался на берег, женился, занялся торговлей. Завел бы кучу детей, поселился в одном из тесных кварталов Амстердама, где жили

его шумливые, пронирыльные соплеменники. А один из учеников великого Рембрандта умело написал бы с него портрет Моисея или Давида. Но наверняка он никогда бы не стал генерал-полицмейстером Амстердама. И он это отлично понимал, хотя его широкая, крепкая спина всё ещё немилосердно ныла от царской дубинки...

54

Гроб пришлось строгать из лиственницы. В окрестностях Берёзова не росли дубы и сосны, обычно употребляемые на подобные дела. Светлейший вспомнил, что покойный государь специальным указом запретил валить эти деревья – дубы и сосны шли на постройку кораблей. Из дубовых досок собирали корпуса судов, а сосны – высокие и стройные – шли на корабельные мачты. Рубить строевой лес на дрова строго запрещалось. Ослушникам грозили огромные штрафы, наказания кнутом и вырывание ноздрей. Но для богоугодных дел случались исключения.

А здесь, на краю света, никакие указы не действовали. И не потому, что сюда не доставали хваткие руки фискалов и приставов – сама жизнь тут едва теплилась. Гроб с грехом пополам всё-таки сколотили, но копать, вернее, рыть могилу оказалось куда труднее, чем врубаться в гранитную скалу. Если не вырыть её как можно глубже, то дикие звери, во множестве обитавшие кругом: волки, лисы, медведи, россомахи – мигом отыщут место погребения. А там – и думать не хочется...

Светлейший не забыл, как голодные волки не давали покоя жителям Петербурга. Однажды они загрызли двух солдат, стоявших в карауле у Литейного двора. А перед его дворцом на Васильевском острове они насмерть заели служанку. Для охраны кладбищ приходилось снаряжать целые команды, чтобы хищники не разрывали могилы.

Стоял самый лютый месяц – январь. Городишко, гнездившийся на вечной мерзлоте, где и в летнюю пору земля оттаивала на какие-то пол-аршина, весь дрожал от холода. Свирепые ледяные ветры носились над ним, словно ведьмы и колдуньи в ночь дикого шабаша. Снегом завалило всё. И лёг он плотно, густо, неодолимо, словно на века стараясь погresti под собой крохотные, жалкие домишки. И людей, живущих в них. Испытывая все на стойкость и безграничное терпение...

Светлейший, поручив своим работникам ко-

пать могилу, прекрасно понимал, что труд им предстоит поистине каторжный. Разгрести снежную «шубу» – и то стоит громадных усилий! Потом отогреть, хотя на два пальца, промёрзлую землю и долбить, долбить, долбить...

– Тута говорят, – бубнила служанка Мавра, – тварь бедовая живёт. Росомаха... Волка быдто похлеще! Лютая, подлая, проказливая.

Князь тоже слышался о диковинном звере. Похож он будто на медведя, только ростом меньше и с хвостом. Но медведь зимою спит, а эта скотина всегда бодрствует и всюду лазает. По лабазам и погребам, может и в кладовую забраться. Сильна, ловка, настырна на удивление. И нет от неё никакого спасу. А что касается свежих могил...

И потому Светлейший строго наказывал, чтобы копали глубже. Он сам отправился на погост, дабы обозначить место захоронения. Утопая по колено в снегу, тяжело дыша, останавливаясь через каждые десять шагов, князь с трудом поднялся на пригорок. Хотя шёл он по следу, проложенному работниками. И свою часовню увидел издали, где-то саженой за полусотню...

В сумерках скудного северного полдня на вершине косогора темнел силуэт молитвенного дома. Не слишком внушительного, но строгого и соразмерного. Плотники, как обещали, возвели его под крышу и настелили пол. Только вот метели, вьюги и бураны завалили часовню снегом чуть ли не по пояс. И пока работники разгребали лопатами сугробы, Светлейший определял место, где упокоится его дочь...

Кладбище представляло собой снежную пустыню. Ни могил, ни крестов, даже намёка на то, что под этим пыльным одеялом укрываются чьи-то погребения, не было и в помине. Князь обеспокоенно вертел головой, пытаясь вспомнить, как выглядел погост осенью, когда они возводили часовню. Но в жидком свете январского полудня это казалось невозможным.

– Прощенья прошу, барин, – чернявый работник Федот приблизился к Светлейшему, норовя снять шапку, тот жестом остановил его, – где могилку копать прикажете?

Вероятно, впервые в жизни князь растерялся. Старательно оглядывая окрестности, он никак не мог выбрать нужное место. Федот, пылливо всматриваясь в лицо хозяина, словно догадался, чем тот озадачен.

– Людишки тутешние своих покойников зимой ведь не хоронят... – едва заметно усмехнувшись, поделился он.

– Не хоронят?! Как так? Это же грех!

– Почему грех? – не согласился мужик. – Они, чай, не басурмане... Энтю у тех положено усопшего тотчас земле предать, покуда солнце не село... А у православных такого закона нет...

И вопреки своему горестному, удручающему состоянию, Светлейший настороженно взглянул на работника.

– А здешние что? – он кивком указал в сторону жалкого городка.

– Они-то? – Федот махнул рукой. – Мертвяков своих кладут на чердак либо в погреб и ждут до весны...

– Покуда снег не растает?

– Ну, хоша бы осядет... Покойнику в этакий-то мороз что будет?

Князь с содроганием и болью подумал о том, что его бедной девочке такая доля не нужна. Страшно даже представить, как её нежное тело будет лежать где-то в подполье или на чердаке.

– А как же росомахи? – не удержался он.

– Гоняют их и бьют. Капканы добрые ставят... Шкура у них отменная – никакой мороз не берёт!

Светлейший покачал головой и, подумав, распорядился:

– Копайте тут, – он показал на две сажени сбоку от часовни, – заодно и погреться вам, если нужда придёт, есть место. И поесть тоже.

Горести и беды, свалившиеся на его голову, сделали князя заметно мягче, добрее. Работники, между тем, расчистили крыльцо и открыли дверь.

– Барин, в храм-то зайти не изволите? – искательно спросил Федот.

Светлейший, секунду подумав, ответил:

– Нет. Недосуг мне... Вы приступайте, время не ждёт, а ежели надобно чего – просите.

– Я угольков берёзовых припас, – словоохотливо поделился Федот, – землю мы чуток отогреем и зачнём долбить... Всё будет ладом!

Светлейший согласно кивнул, окинул взглядом часовню и место вокруг, неспешно повернулся и стал спускаться с пригорка. На душе у него было тягостно. Весь путь до острога он вспоминал слова Федота о местных странных обычаях и нравах, однако не слишком удивлялся им. Презрение, а скорее – равнодушие простого русского человека к смерти было ему давным-давно известно.

Будучи губернатором Петербурга, Светлейший часто видел, как каторжные или обычные люди, пригнанные на строительство крепости и мощение дорог, угробив здоровье и силы, молча укладывались на сырую, мёрзлую землю и

безропотно умирали. Не кляня ни судьбу, ни власть, ни Всевышнего...

Иностранцы несказанно этому удивлялись. А что они по сему поводу думали – Бог весть. Возможно, приписывая всё невероятному мужеству, неизбывному терпению или наплевательскому отношению русских к жизни. Но сам Данилыч таковым не был...

55

Царевич скончался при странных обстоятельствах. За пять дней до смерти его пытали шесть раз. И, случалось, дважды в день. При слабом здоровье и хлипком телосложении Алексея истязания были ужасающи. А 26 июня 1718 года наступили последние мучения страдальца. В книге Петропавловской гарнизонной канцелярии записано: «В 8-ом часу утра в крепость прибыли Долгоруков, Головкин, Апраксин, Мусин-Пушкин, Стрешнев, Толстой, Шафиров, Бутурлин. И учинён застенок до 11 часов. Потом разъехались. Того же числа, пополудни, в 6 часов царевич Алексей Петрович преставился». Вот так – коротко и туманно.

Судя по стилю написания – «преставился» – значит, умер. И не насильственной, а естественной смертью. Не важно от чего – от пыток, увечий, разрыва сердца, кровоизлияния, но умер сам. Не задушен, не задавлен, не повешен, не застрелен. Зато гуляли слухи, что царевича то ли отравили, то ли удавили. И смущает другое – отрешённый наследник почему-то скончался в самый канун торжества, которое уже в десятый раз должна была праздновать Россия и которым законно гордился царь.

27 июня – годовщина Полтавской победы. И можно только гадать – старались или нет ближайшие сановники государя угодить ему и не омрачать грядущее торжество? Но почему-то в этот день, впервые за десятилетие, не случилось ни роскошного пира, ни грандиозного фейерверка. И это вопреки тому, что Пётр до самозабвения увлекался огненными потехами, по любому подходящему и неподходящему поводу.

По городу ползли мрачные слухи. Жители знали, что царевич заключён в Петропавловской крепости и там его жестоко пытаются. Случайные свидетели будто бы слышали ужасающие крики и стоны, издаваемые несчастным. Но 27-го числа из бастионов не доносилось ни звука, а главное – туда не приезжали кареты высших санов-

ников. И потому следовал непреложный вывод: Алексей тайно умерщвлён...

Простые обыватели, разумеется, не знали, что смертный приговор царевичу был вынесен за четыре дня до его кончины. Его подписали сенаторы, адмиралы, генералы и высшие сановники. Священный Синод, «как бабушка (слова А.С. Пушкина), сказал надвое». По мнению высшего духовенства, государь мог поступить согласно Ветхому Завету – то есть предать казни ослушника-сына. Но мог и простить его, руководствуясь Новым Заветом, «ибо сердце царёво в руке Божьей». Как он решит – так и будет справедливо.

Пётр не решил «никак», переложив это на плечи своих ближайших помощников, первым среди которых был Светлейший князь. И его корявая подпись стояла во главе мрачного списка. Лично Меншиков не нуждался в устранении царевича, но, как человек наиболее близкий к Петру, он чувствовал и знал, что тот желает раз и навсегда избавиться от «теней прошлого». От ненавистной супруги, которую ему навязали в юности, и нелюбимого сына, поневоле ставшего врагом.

И, ко всему прочему, на совести Данилыча скопилось столько грехов: мздоимство, казнокрадство, подлоги, откровенный грабёж – а потому услуга, вовремя оказанная государю, могла сыграть роль громоотвода. Ну хотя бы на время...

А вот кому гибель наследника оказалась наиболее выгодна – это был Пётр Андреевич Толстой. Вдруг снизойди на самодержца ангел кротости и милосердия и останься Алексей в живых – жизнь и судьба Толстого наверняка круто бы изменились. Он выманил наследника из-за границы, вёл над ним жестокое следствие и навеки разлучил его с обожаемой любовницей...

Кстати, что случилось с ребёнком Евфросиньи – мальчиком или девочкой – неизвестно. Ходили слухи, будто её вскоре освободили и удачно выдали замуж за какого-то гвардейского офицера, но точных свидетельств нет. А пока шло следствие, главной его фигурой предстал Толстой. Как бывший заговорщик, он, конечно же, знал и находил основные пружины заговора и всех его участников.

При всей бесхарактерности и малодушии Алексея роль наследника в возможном мятеже или возмущении вполне могла стать роковой и определяющей. Пётр Андреевич прекрасно помнил, как вспыхнул бунт, когда нынешний самодержец был десятилетним мальчишкой. Стоило Толстому пустить слух, что Нарышкины, мать и дяди Петра, извели последнего сына первой жены Тишайшего – Марии Милославской – слабо-

умного Ивана, остервенелые стрельцы валом повалили бы в Кремль...

И, зная, сколько людей возлагают надежды на скорейшую кончину государя, Пётр Андреевич как никто понимал, что за этим последует. Душа и натура русского человека устроены так прытко и складно, чтобы не мешкая перейти от слов к делу. Он не станет долго ломать голову, а тут же разнесёт вдребезги всё вокруг себя...

К несчастью или к счастью, но и Пётр это отлично понимал. Не одни лишь детские впечатления, а также бунт стрельцов шестнадцать лет спустя и восстание Булавина во время войны со шведами научили его быть всегда настоже. Благодушие и попустительство никогда к добру не приведут. Накануне подписания смертного приговора у Толстого состоялся любопытный и примечательный разговор с государем. Они сидели в канцелярии крепости перед очередным допросом наследника.

– Сколь сыновей у тебя, Андреич? – сосредоточенно спросил царь.

– Двое, Пётр Алексеич. Иван да Пётр...

Царь подумал и уточнил:

– А который из них тебе дороже?

Толстой, не кривя душой, признался:

– Старший. То бишь Иван...

Собеседник подпёр ладонью голову, подвигал щёткой усов и едва заметно усмехнулся:

– У пророка Авраама был любимый сын Исаак. Не старший, но законный.

– И он должен был принести его в жертву, – подхватил Толстой.

– Вот-вот, – Пётр вздохнул, – в жертву Господу... – они встретились взглядами. – А ты бы принёс своего Ивана?

Толстой, помедля, ответил:

– Нет... Скорей бы сам стал жертвой...

– Молодец, что правду сказал, – царь отвёл взгляд, насупился, и голос его посуровел. – А когда ты противу нас стрельцов поднимал, помнишь?

Толстой сжался и похолодел.

– Тридцать шесть годов назад, верно?

Старик обеспокоенно кивнул. Он хорошо знал, что царь подвержен внезапным вспышкам ярости и гнева.

– Мне десять лет было, но я всё помню ясно ...

– Государь... – едва слышно произнёс Толстой.

– погоди. Уймись, – махнул рукой самодержец. – Ежели бы Софьиная задумка удалась и всех нас прикончили... – он покачал головой, – что стало бы?

– Бабье царство, а порядка никакого, – собравшись с духом, пролепетал Толстой.

– То-то и оно! И сынок мой непутёвый то же самое говорит, – Пётр криво усмехнулся. – Тебе которое царство ближе?

Бедный старик ответил без промедления:

– Твоё, Пётр Алексеич. Мужичкое, стало быть.

Государь подумал и согласился:

– Тут ты, пожалуй, не лжёшь... – он вновь посмотрел в лицо собеседника. – Помнишь, кем ты был при Софье? Воеводой в захудалом городишке. Может, дослужился бы до воеводы в Архангельске либо в Новгороде, и шабаш!

Толстой согласно кивнул. Царь был прав – ближним боярином или окольным он бы не стал никогда. Беспоместному дворянину нечего об этом и думать.

– Авраам приносил в жертву своего сына, – задумчиво продолжил Пётр, – потому что Господь обещал ему умножить семя его, дабы оно овладело городами его врагов...

– Но ангел Божий, – осторожно напомнил Толстой, – отвёл его руку и подарил ему овна для жертвы.

Царь покачал головой:

– А кто мою руку отведёт? – он помолчал и прибавил: – Ведь другой жертвы у меня нет... И мне она не надобна...

Толстой, понимая безысходность случившегося, подавленно молчал. Вероятно, обременённый заботами и сомнениями, самодержец нуждался в его сочувствии, только Петру Андреевичу и сказать-то было нечего. Привезя царевича на заклатие, мог ли он облегчить его участь? И для чего? А тут ещё убийственные откровения Евфросиньи.

Не дождавсь ответа, Пётр тяжело вздохнул и мрачно произнёс:

– Ну, пойдём послушаем, что наш греховодник под кнутом на дыбе скажет. А мы потом подумаем...

Они оба медленно встали и направились в застенок, где умелый палач уже развёл в горне огонь, раскалил добела щипцы и разложил розги. А другие сановники с бледными, траурными лицами тоскливо теснились у входа...

Дальнейшая жизнь Толстого сложилась довольно успешно. Даже гладко и блистательно. Государь высоко оценил его услуги в деле ца-

ревича Алексея. Он стал сенатором, президентом Коммерц-коллегии, то есть министром внешней торговли, получил чин действительного тайного советника и около сорока тысяч душ крепостных. Его вотчины были разбросаны в двадцати двух уездах России. Беспоместный когда-то дворянин сделался одним из богатейших землевладельцев и вошёл в десятку знатнейших вельмож страны.

Пётр оценивал и награждал своих ближайших помощников широко и щедро, но только за действительный, а не мнимый вклад в становление государства. Кому-кому, а Петру Андреевичу его верная служба не раз приходилась и солоной, и горькой. Чего стоило только одно заточение в земляной яме турецкой тюрьмы «Едикюль» в Константинополе в 1711 году!

Угодив туда шестидесятипятилетним стариком, Толстой целых два года провёл, не видя света и чистого воздуха. Остаётся лишь удивляться тому, как пожилой, страдающий подагрой человек, сидя почти в могиле, сумел претерпеть и вынести всё это! Тем паче, что кичливые османские владыки старались внушить узнику мысль, будто пути на волю для него нет. Никто не пытается выволить его, он забыт, заброшен, и царь даже не вспоминает о нём!

Что ни говори, а природа русского человека поистине удивительна. Ведь прежде чем посадить Толстого в яму – его провезли через весь многолюдный восточный город на хромой, облезлой кобыле, намеренно одетого в потрёпанное, грязное, дырявое рубище. И на узких шумных улочках бедного, униженного старика громко освистывали, осмеивали, плевали, бросали в него огрызки и ошмётки шустрые греческие и турецкие мальчишки, мужчины и женщины... На это и было расчитано всё позорное, срамное действо.

Пётр Андреевич был не просто русским пленником, он выступал в качестве посла и олицетворял собой Российскую державу. В его лице османы глумились над всей нашей страной. Он это прекрасно понимал. Вероятно, потому и вынес всё. А его арест и постыдное заточение были знаком того, что Османская империя объявила войну России.

Судьба и жизнь Александра Даниловича Меншикова подобных кошмарных падений и тягот до поры до времени не знала. Наш великий поэт, назвав его «безродным баловнем счастья», прав, пожалуй, в одном: Светлейший был действительно «безродным», но баловнем едва ли. Всего, чего он достиг в течение своей бур-

ной, суетной, богатой всяческими – и военными, и мирными событиями – жизни, зависело только от него.

С раннего детства, пережив смерть близких, видя смуту, резню и предательство, Пётр умел ценить истинную преданность и верность. Только поэтому безродный Алексашка и сделался его правой рукой. И в довершение ко всему – он каким-то непостижимым, чудодейственным образом угадывал главные мысли и намерения царя. Пётр не однажды приказывал: «Сделайте, как он велел!» То есть как до него самовольно распорядился Данилыч.

Его острый, всепроникающий, цепкий ум и зоркий, всевидящий глаз умели мгновенно отделить главное от второстепенного и показного, чтобы понять, скажем, силу противника и найти уязвимые места.

Первую крупную победу над шведами тоже одержал Данилыч. 18 октября 1706 года под польским городом Калишем он возглавил русско-немецкие войска. Шведский генерал Мардефельд, перейдя реку Прону, свою тридцатитысячную армию разместил на высоком, сухом берегу, в кольце сплошных болот, и спокойно поджидал противника.

Меншикова это не смутило. Решительно преодолев реку, он с марша ударил конницей на шведов. Но знаменитая шведская пехота сумела так оттеснить русскую кавалерию. Тогда Меншиков приказал своим драгунам спешиться, спешился сам и с саблей в руке смело возглавил атаку. Через три часа всё было кончено. Генерал Мардефельд был разбит и взят в плен.

В Полтавской битве Меншиков командовал кавалерией. Как всегда лихо, напористо и стремительно. Под ним трижды убивали лошадей, но неустрашимый сын конюха тут же пересаживался на свежих, продолжая сражаться. Карл XII потерпел сокрушительное поражение и бежал без оглядки. Вдогонку за проигравшим королём и остатками его армии Пётр послал Данилыча.

И через полгода, когда в Москве праздновали Полтавскую победу, по правую руку от государя ехал генерал-поручик Меншиков. И никто не сомневался, что этой высокой чести он удостоился по праву. Награждая и возвышая Алексашку, Пётр наивно полагал, что почести, сыпавшиеся на бывшего денщика словно из рога изобилия, умерят его аппетиты.

Чего ещё мог желать безвестный простолудин, ставший Светлейшим князем Римской империи, фельдмаршалом, губернатором

Санкт-Петербурга, президентом военной коллегии, кавалером множества иностранных и российских орденов, хозяином целых городов и сёл?!

Однажды, после того как в Польше случилась очередная королевская чехарда и трон занимали то ставленники Петра, то Карла XII, государь сокрушённо посетовал, что пора бы эту надоевшую канитель прекратить. Но, к несчастью, достойного кандидата на польский престол не было. Тут Меншиков, ничтоже сумняшеся, стукнул себя в грудь: «Вот он!»

Пётр принял это за шутку, ни в чём не заподозрив своего верного слугу. И не следует думать, будто польский престол сплошь занимали одни поляки. К примеру, знаменитый Стефан Баторий, успешно воевавший с Иваном Грозным, был родом из Трансильвании. Три Сигизмунда подряд – Первый, Второй и Третий, а также Владислав и Ян-Казимир имели шведские корни. Август II был немцем. Однако отважиться на то, чтобы трон Речи Посполитой «оседлал» сын русского конюха, это было бы чересчур!

57

Обнаружив на лице и теле Александра и Александры следы страшной болезни, Светлейший с содроганием и ужасом ждал, что вскоре придёт черёд оплакивать сына и младшую дочь. Но, слава Богу, красные пятна не превратились в гнойные язвы, а постепенно подсохли и сами собой исчезли. Хотя князь и верная Анистья и тут не спешили радоваться, втайне думая о том, что коварная хворь, вероятно, на время затаилась...

Сын и дочь тоже не торопились веселиться. Смерть старшей сестры, пожалуй, сильнее, чем смерть матери, подействовала на обоих. Отец видел это, но не возмущался, не укорял своих чад. Он понимал – смерть взрослого, пусть это будет самый близкий, родной человек, детьми воспринимается менее остро, чем смерть ровесника. Первыми из жизни должны уходить старшие, а уж потом все по нисходящей...

С гибелью Марии оба почувствовали свою сопричастность ко всему вокруг. Если верная подруга их весёлых игр, секретов и увлечений вдруг перестала существовать, значит, это уготовано каждому из них.

Проснувшись поутру, Александр и Александра, одевшись на скорую руку, спешили навстречу друг другу. И чаще всего дочь появлялась пер-

вой. Она осторожно отворяла в комнату дверь, просовывала в щель русую разлохмаченную голову, косила зорким глазом в сторону отца. Она не догадывалась, что тот слышал её шаги по коридору и заранее отворачивался к стене. Дочь в свете ночника видела его седой затылок и широкие, покатые плечи.

Крадучись переступив порог, она делала два-три коротких шага и ловко усаживалась на табурет. Брат уже поднялся с постели. Он с нетерпением ждал её прихода. Светлейший старательно прислушивался, совсем как в далёкие времена, когда служил лакеем у юного Петра. Но тогда ему важно было охранять покой царя, теперь им двигало иное: как себя чувствуют его чада? Здоровы ли? Не упали духом? Не утратили ли веру в возможную перемену судьбы?

Сын и дочь под влиянием всего случившегося шептались только о погибшей Марьюшке.

– А помнишь, – тараторила младшая, – как она ловко танцевала? И менуэт, и польский, и контрданс...

– А этот царёнок Петрушка, – вторил ей брат, – всё рожи корчил и язык показывал! Вот скоморох! Посмотрел бы на себя!

Прямым, главным виновником своего нынешнего положения оба считали малолетнего монарха. И Светлейшего это вполне устраивало. Хотя большую часть вины он охотно брал на себя, но не желал, чтобы об этом знали его дети. Князь закричал и тяжело повернулся на спину.

– Доброе утро, папенька! – в один голос воскликнули чада.

– Доброе-доброе... – негромко проворчал он и сел на кровати.

Они оба с затаённым испугом смотрели на родителя. Морщинистое, косматое, в тяжёлых складках, в дебрях седых усов и лохматой бороды, лицо отца казалось им совсем незнакомым. Они ещё не знали, что время, скорбные думы, непрестанные заботы особо жестоки и безжалостны к старым людям. И хотя князь старался изо всех сил придать своему лицу и голосу ласковое, бодрое выражение, у него это плохо получалось.

– Вы ели? – он скупно улыбнулся. – Анистья вас завтраком кормила?

– Нет, папенька. Мы только встали... – ответила дочь. В дверь постучали.

– Да-да! – возвысил голос князь.

В комнату заглянула Анистья:

– Барин, я кашку подогрела.

– Неси её сюда, – распорядился хозяин.

Он медленно встал, надел тёплый халат, пе-

рекрестился на икону в красном углу, взял со стола свечу в медном шандале и подпалил её от лампадки. В комнате посветлело. Князь заботливо окинул детей.

– Как ты спала, милая?

Александра дёрнула плечиком.

– Мавра тебе не докучает?

– Она больше спит или гадает, – с улыбкой ответила дочь.

– Гадает-то на чём?

– Свечку в воду льёт...

– Свечку?! Вот оглашенная! Для чего ей это?

И не успел князь подробно расспросить дочь – открылась дверь и вошла Анисья с горшком каши. Хозяин поставил на стол подсвечник, а верная служанка подрузила еду в центре стола.

– А посуда? – напомнила дочь.

Анисья взглянула на князя.

– Посуды не надобно, – скомандовал он и пояснил, – каша в ней стынуть будет. Давайте быстрее к столу.

Сын мигом поднялся с кровати и занял свободный табурет. Дочь, недовольно хмурясь, придвинулась к столу. Светлейший уселся в кресло. Анисья проворно вышла. Александр взял в руку деревянную ложку.

– А лоб перекрестить? Вы же православные! – напомнил отец.

С некоторых пор это вошло в привычку. Светлейший нежданно вспомнил своё бедное детство и юность, когда Данила-конюх каждого отпрыска, не перекрестившего лоб, с маху бил увесистой ложкой. Сын и дочь торопливо сотворили крестное знамение. Отец тоже размашисто перекрестился, но начать трапезу не спешил, подбодрив своих чад:

– Вы ешьте, ешьте... Сытого и мороз не берёт!

Сын и дочь полезли ложками в горшок. Ничего подобного в доме Данилы и быть не могло. Сам хозяин к пище там прикасался первым. А тут чада стукались ложками, не умея есть из одной посуды, но князь снисходительно улыбался, наблюдая за ними.

– Тесно вам? Неловко? – он покачал головой. – А всё потому, что вы друг дружке не уступаете. Сдерживать себя не умеете! А надо бы...

Сын уже был готов одёрнуть сестру, но та сама уступила, дав ему первым опустить ложку в горшок. Отец удовлетворённо заметил:

– Правильно, доченька! Как-никак мужчина растёт. Кормильцем семьи будет. За всё и за всех отвечать станет.

Он глубоко вздохнул, вдруг вспомнив о почив-

ших жене и дочери. За окном едва занимался скупой, еле видимый рассвет. Робкая северная природа как будто стеснялась выставлять напоказ жалкий, затерянный в дикой глуши городишко. Князь с хрустом потянулся, негромко крякнул и оживлённо произнёс:

– Знали бы вы, чего мне давеча увидеть довелось! Вот привёл Господь! И красота, и ужас...

Дети уже закончили трапезу и вопрошающе уставились на родителя. Он развёл длинные, костистые руки, будто намереваясь обнять что-то большое и неподъёмное.

– Что, папенька? – теряя терпение, полюбопытствовала дочь.

– Да как тебе сказать?! – Из-под густых, щетинистых бровей на детей озадаченно смотрели цепкие, пронзительные глаза. – Ежели бы я сам того не увидел – никому ни за что бы не поверил! Вот вам крест! – он быстро перекрестился. Сын и дочь потрясённо воззрились на отца. Им подумалось, что он стал свидетелем чего-то необычайного, дикого и пугающего. Увидел медведя, волка или эту самую росомаху... Но князь ободряюще улыбнулся и охотно приступил к рассказу.

Ему долго не спалось, и ночью в дверь легонько стукнула Анисья. Светлейший встал и выглянул в коридор.

– Барин, – сказала служанка, – там мужики пришли. Вас просят...

Князь накинул меховой тулуп, наспех надел шапку и вышел за порог. Землекопы во главе с Федотом, с непокрытыми головами толпились у крыльца.

– Ну что, ребята, – кивнув им, спросил хозяин, – могила готова?

– Готова, Ваше сиятельство, – бодро ответил Федот, – почитай на три аршина продолбили! Всё в аккурат сделали...

Князь удовлетворённо качнул головой и посмотрел в непроницаемое, тёмное небо:

– Лишь бы погода не подвела.

Мужики согласно закивали непокрытыми головами, а Светлейший по-доброму распорядился: – Накройтесь! Мороз ведь не тётка!

Землекопы стали нахлобучивать свои малахаи, и вдруг произошло невероятное: от нижней кромки небес к самому зениту побежали и зыбко затрепетали какие-то громадные то ли полосы, то ли занавеси... Голубые, розовые, зелёные, синие, фиолетовые... Небывало огромные и сверкающие, горевшие каким-то ярким, неугасимым светом. Они то причудливо сходились, то резко расходились, догоняли и перекрывали

одна другую. Удлинялись и укорачивались. Извивались, как гигантские змеи, заполняя собой весь небосвод...

Князю почему-то вспомнилось библейское пророчество, когда во время пира у вавилонского царя Валтасара появились на стене огненные письмена. Будучи неграмотным, Светлейший не знал, как они выглядели, но зато твёрдо помнил – они предвещали конец безбожного царства. А что предвещают ему эти таинственные знаки?!

Потрясённые мужики и князь вместе с ними суеверно крестились и поминали всех святых. Им казалось, что какая-то неведомая, высшая сила затеяла это небывалое знамение или представление, непонятно, с какой целью? Хотя от здешних жителей они не раз слышали об этом. Те с трепетом и страхом рассказывали им о потрясающем явлении, называя его «светопредставлением».

Самое удивительное – оно не сопровождалось никакими шумами и звуками. Хотя, казалось бы, это громадное небесное действие должно происходить если не с громом и грохотом, то с зовом трубы Архангела Гавриила, скликающим землян на Страшный суд. Однако всё случилось в полнейшей тишине и безмолвии, что тем более страшно...

Неожиданно начавшись, грандиозное зрелище так же неожиданно закончилось. Как будто кто-то всесильный и всемогущий вдруг дал знак разом прекратить его. И вновь наступила непроницаемая, крошечная тьма. И один только князь понял – это был знак свыше. Сам Вседержитель давал ему уразуметь, что этот крохотный, затерянный в дикой глуши городок не оставлен Им. Ведь ничто на свете не ускользает от Его внимания и власти.

Рассказав это своим детям, Светлейший многозначительно умолк. Сын с дочерью взволнованно переглянулись. Их угнетённое, мрачное настроение стало понемногу отступать. Надежда и вера осторожно коснулись маленьких, тревожных сердец.

– Нынче Машеньку хороним... – со вздохом напомнил отец.

58

Упокоив наследника и покончив с его зловредным окружением, Пётр с прежним усердием и размахом не оставлял заниматься важными государственными делами. На остро-

ве Аланд продолжались переговоры о мире со шведами. Царь осмотрел и спустил на воду новый 90-пушечный военный корабль и шумно пиროвал с его мастерами. Затем отправился в Кронштадт и вывел из его гавани на рейд более двух десятков судов. В середине июля вышел в море с Балтийским флотом...

Вначале сделал остановку в Ревеле (Таллин), заложил там большой сад и парк, а после отправился в Финляндию, в порт Або, где стояли части русской армии и большой галерный флот под командой генерал-адмирала Апраксина. Вместе с царём к Апраксину прибыл и Меншиков. Под их руководством начались учения галерного флота. Светлейший носил титул контр-адмирала. Пётр затеял это не даром. На расстоянии 55 морских миль от финского порта Або находился остров Аланд, где проходили переговоры, а далее располагалась столица Швеции, город Стокгольм. Самого Карла XII там не было. Неугомонный король воевал в Норвегии...

Петру ничего бы не стоило без особых трудов захватить все земли противника, однако он решил закончить дело миром. И это после восемнадцатилетней непрерывной войны! Кстати, здесь нет ничего исключительного. Вся мировая история полна курьёзами и почище этого! Но написание договора – ещё не есть его исполнение. Как правило, после него всё и начинается!

Противниками мира между Россией и Швецией становятся Англия, Франция и Саксония (единой Германии тогда не существовало). И у каждой из сторон свои особые интересы. А на носу была зима. В сентябре царь вернулся в Петербург и занялся внутригосударственными делами.

Не любя Москвы, царь, тем не менее, не оставлял её своей заботой и вниманием. В октябре он издал указ о строении в старой столице каменных домов, о мощении улиц камнем, о покрытии крыш черепицей, дабы упредить бесконечные пожары. Ведь Первопрестольная многожды горела дотла. Ещё вышел указ о том, чтобы в храмах стояли смиренно и не болтали попусту!

А на юге России, в Киевской и Азовской губерниях, в городах и сёлах Малороссии разгулялась чума. Единственным спасением от неё были заставы и карантин. Срочно отправили туда солдат для наведения порядка. Население, как правило, встречало подобные меры волнением и бунтами...

Государь всё ещё надеялся на то, что шведский король, вопреки недовольству европейских монархов, ратифицирует пакт о мире. Однако

безрассудный Карл, пользуясь передышкой, по-прежнему думал только о войне. Он осадил норвежскую крепость, в которой засели датчане, бывшие союзники Петра. Как всегда, король первым пошёл на штурм и был убит. Ему шёл всего тридцать седьмой год.

В начале декабря о смерти своего заклятого врага узнал Пётр. И горько оплакал кончину неустрашимого монарха, которому ещё недавно прочили славу Александра Македонского и Юлия Цезаря. Они многое знали друг о друге, но никогда не встречались. Будучи старше на десять лет, Пётр, в силу возраста, опыта и характера, относился к покойному более снисходительно, понимая, что его противник гораздо моложе, запальчивей и безрассудней. Единственное, чему отдавал должное русский царь – отчаянной храбрости молодого короля. Шведский же престол заняла сестра покойного – Ульрика-Элеонора – а долгожданный мир, увы, не наступил!

Однако Пётр продолжал заниматься делами сугубо мирными. Вместо устаревших «приказов» основал «коллегии» – прообразы будущих министерств. Для начала их образовалось девять: иностранных дел, военной, адмиралтейской (то есть морской), юстиции и прочих. Причём главами (президентами) всех коллегий надлежало быть только русским. А.Д.Меншиков возглавил военную коллегию, П.А.Толстой – коммерц-коллегию. И для того, чтобы наладить работу всех «министерств», царь отпустил годичный срок.

Только новое дело продвигалось туго. Пётр да-

же грозил президентам своей знаменитой дубинкой и выпустил очередной указ, в котором писал: «Я слышу, что зело лениво съезжаются господа для вручённого им дела. А коли съехались, чтоб лишних слов не болтали, говорили только по делу и друг друга попусту не перебивали. Давали каждому закончить, как честным людям надлежит, а не как бабам-торговкам!»

И всё-таки Пётр надеялся, что затеянная им реформа пойдёт на пользу России. Она достойно станет в ряд других европейских держав. Царь свято уповал на то, что его будущим наследникам станет легче и успешней управлять такой огромной страной. Но в январе 1719 года умер любимый сын Пётр Петрович, «шишечка», как ласково называл его отец. Мальчику ещё не исполнилось четырёх лет. «Смерть сия, – писал Пушкин, – сломила, наконец, железную душу Петра».

Окончание в №11-12

Владимир Демьянович ВАСИЛИНЕНКО

родился в 1942 году в Иркутске.

Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР, работал режиссёром на Дальневосточной студии в г. Хабаровске, на студии телевидения в Нижнем Новгороде.

Снял по своим сценариям более восьмидесяти фильмов.

Член Союза кинематографистов России, лауреат всесоюзных, всероссийских и международных кинофестивалей.

Лауреат Национальной премии за сериал об амурском тигре.

Член Союза писателей России.

Лауреат Международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце».

Живёт в Хабаровске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

